

18+

Михаил Бледнов

Такси Блюз
На обочине

Михаил Бледнов

Такси Блюз. На обочине

«Издательские решения»

Бледнов М.

Такси Блюз. На обочине / М. Бледнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745907-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Произведение создано на рубеже «нулевых». Вечно похмельная и обворованная Россия под пылью мутной бюрократии. Персонажи, наспех созданные своими амбициями. Молодые люди с не вполне законопослушным менталитетом как визитная карточка того временного отрезка. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-745907-9

© Бледнов М.
© Издательские решения

Содержание

На обочине	6
Глава 1. Надгробье	7
Глава 2. Дотянутся до небес	10
Глава 3. Однажды в Америке	30
Глава 4. Бенджамин – бумажный Франклин	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Такси Блюз На обочине

Михаил Бледнов

Дизайнер обложки Михаил Дзирко

© Михаил Бледнов, 2016

© Михаил Дзирко, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-5907-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обочине

Во мне легко уживаются Леви Ягненок, Принц и Нищий, Философ и Тупой Засранец, Апостол и атеист, гений и умственный недоносок, Творец и Разрушитель, Мир и Война, Велфер и Гражданство, грешник и праведник, Дубинин и Катакомбы, Борьба и Бездействие. Все это, как яичница, приправленная укропом цинизма и жаждой свирепой справедливости. Я являю собой симбиоз образов и чувств, творческую запеканку. Если кратко, то на этом все. Хотите подробностей: гадких, свирепых прошлых подробностей?! Их есть у меня! Получите, кушайте с булочкой. Я в тесто замиксовал стрихнина. У кого нет противоядия от моей прозы, закрывайте книгу немедленно. Или посоветуйтесь с врачом...

Отныне мне принадлежит контрольный пакет ваших мыслей.

* * *

Да! Не всегда я был таким...

Их было пятеро. И эта история о них и о жизни. Учтите, вы общаетесь с мертвыми. Я не стану писать блевоту, типа: «Все сюжеты – вымыслы, и любое совпадение...».

Это реальная история. И она о них. «Замрите ангелы, смотрите – я играю».

Глава 1. Надгробье

(Надгробье – это фундамент загробной жизни.
Каким оно воздвигнуто, таким и видят твою жизнь там,
кто приходит к тебе здесь)

– Алло! Алло, бля! Алло, алло! Бля буду, алло! Чего виснешь?! А?! Привет. Я занят, да, дорогая, занят... Заявку вцепил, к клиенту еду... Ну, и?... Алло... Нет времени... Да, отъебись, все не наебешься. Пошла ты...

- Звезда! Звездочка! – Два семь!
- Слушаю. Два семь!
- По адресу квартиру.
- Квартира 47. Вызывая, едете на железнодорожный вокзал.

Борис заложил руля и припарковался у милицейского стаканчика, слегка зацепив скатом паребрик. Семерка ожидательно замерла.

– Такси? – пролаяло бородатое лицо, похожее на совковую лопату. Оно едва умещалось в створе ветрового стекла.

Борек убавил музыку. Земфира запела шепотом. «Ей это не идет», – решил Боря и ответил вопросом:

– Вы заказывали?!

– Такси на Дубровку? – и лопата раскатилась конским ржанием. Задрожал милицейский стаканчик, а серый изъезженный асфальт привокзальной площади подпрыгнул и полопался от мощного остроумия, ступившего на землю города.

– Куда едем? – решил уточнить маршрут Боря, когда задница клиента была уже на семечном сидении.

– Левый берег, – тривиально ответил клиент.

– Два семь, работаю, – бросил Борек дежурную фразу, нажав на танкетку радиации «ТАИС».

В сжатое пространство салона приятный женский голос ответил также дежурно, но мягко и ласково:

– Счастливого пути Вам и Вашим пассажирам!

Бородатое лицо разорвало на две неровные части: искренняя улыбка, обнажая при этом рыжие зубы, и розовые десна.

– Я с Владика прибыл. Ты можешь себе представить, земляк. Неделя в вагоне. Без душа и других удобств.

– Я не с Владивостока.

– Все мы, брат, земляки.

– Ну, тогда могу.

– Что могу?

– Представить... могу.

– Во-во, полня жопа, надо отметить. Я сам-то с Камчатки. Великий край. Гейзеры, сопки...

– Не хотел бы я там жить, – оборвал Борис.

– ?

– Там всегда полночь.

– Это как? – искренне не догонял пассажир.

– С детства по радио слышал: в Омске шесть, где-то еще восемь, в Москве три, а в Петропавловске-Камчатском – полночь.

– Ты, что, идиот?!

Борек неуверенно пожал плечами. Улыбнувшись, он рванул со светофора, гальмуя по утреннему асфальту. Город плавно просыпался, обнажаясь перед обществом. Хрустели суставами пожилые «хрущевки». Вальяжно зевал новострой, демонстрируя ровные ряды пластиковых окон. На прощание подмигивали витрины, фонари и прожекторы над рекламными банерами. Солнце лениво жмурилось от своего же великолепия, золотило голубоватое майское небо и еще робко выглядывало из-за крыш высоток. Впереди жизнь...

* * *

Борек еще раз оглянулся. Ни чем не выдающаяся дверь в пенаты районного суда. Казенная табличка «Суд советского района» венчает серую бугристую наштукатуренную, как лицо прыщавой гимназистки, стену. Заседание суда объявило перерыв на два часа. Борис был временно выпущен, но чувство тревоги не покидало его. Фобией вбилось оно, как осиновый кол, в его сердце и пускало там где-то внутри свои гадкие корни.

Слева еле слышно причалил Мерседес-Бенц, сто сороковой кузов.

– Борис, – позвал бархатный тон.

Внимание подсудимого переключилось на зов. Из темноты мерина шлейфом к сознанию Бориса липким мармеладом тянулся голос.

– Чем обязан? – осторожно спросил Борек.

– Мы друзья.

– Осторожней с такими словами. У меня нет друзей... Больше – нет.

– Вас ждут, присаживайтесь в машину, – прозвучало довольно убедительно.

В конце концов, терять было нечего. Боря вырвал осиновый кол и, обрубив корни, проник в салон Мерседеса, еще раз оцарапав вектором взгляда табличку на стене. Ехали молча. Боря не хотел опережать события, но ему казалось, что он уже это видел. Узорчатые кованые ворота южного кладбища, напоминали вход в зоопарк. «Все мы звери», – мелькнула опасная мысль в головных магистралях Бориного мозга.

«Кто торопится, тот не успевает». У каждого своя верхняя планка, знать бы, где она. Вот они парни с волевыми подбородками. Очередная глобальная попытка обновить или даже создать новое совершенное общество. Начинают революцию идеалисты, а заканчивают подонки. Мысли Бориса прервала остановка. Он, не дожидаясь приглашения, покинул «гостеприимный» салон.

Боря Бархатов – экспансивная натура, шагнул к знакомому обелиску. Четыре мраморных надгробья жались друг к другу узкими плечами в иллюзорной надежде согреться. На все четыре могилы один, прямоугольной формы, памятник. Он белый, как детские намерения и похож на гигантский ластик резинки «koh-i-pog». Стирает безжалостно, бескомпромиссно. Кто же водит им по поверхности измятого листа?

На мертвых памятниках мертвыми буквами высечено: «МаксиМалецкий» – Макс, «Савелий Смехов» – Шутил, «Сергей Некрасов» – Некрас, «Владислав Рошин» – Чика. Он здорово выбивал кон. Помните детскую игру советских времен. Свинцовая битка и сплюснутые солдатские пуговицы. Их было пятеро... Не пуговиц – людей.

Позади захрустела промерзлая земля, хрусталики льда прогибались под человеческим шагом. Боря узнал эту поступь. Он слышал и раньше это свинцовое дыхание. Там, где-то в другой жизни.

– Я знал, что все это время ты стоял за моей спиной.

Борис, казалось, был готов к этой встрече.

– Наверное, знал, – добавил он и оглянулся. – Левая блевота, лежать на двухметровой глубине, разглядывая, как черви в покер играют. А сверху твой крест вороны обсерают, – поделился крамольной мыслью Боря. – Не находишь?

– Меня винишь?

– Сам как думаешь?

– Я здесь не для того, чтобы оправдываться перед тобой.

– Тогда для чего?

– Человек шепнул, что вердикт суда будет однозначным... Если вернешься на процесс, тебя закроют.

– А ты решил стать моим ангелом хранителем.

Собеседник молча закурил и выпустил тонкую струю серебряного дыма в морозный октябрьский воздух. Боря снова обернулся туда, где из рыжей земли торчал мраморный ластик с четырьмя барельефами. На мертвом камне высечено вечное. А на коре его русской души славянской вязью нацарапано...

Глава 2. Дотянутся до небес

Там, под той самой землей не уютной, сырой, пустой, трагически тихо, как в пещерах Монахов Капуцинов. А им было мало... Мало лет, они были молоды и хотели жить. Но жить не монахами, а... как минимум...

* * *

Определиться в жизни, это всегда не просто. Это не тривиально, хоть так и может показаться. Находясь на грубом тесаном пороге в действительность, оставляя за спиной детство. Никто из этой пятерки не мог и знать, кем он будет, и чем он станет. Предсказание или прогноз, дело весьма не благородное, а вот цех по переработке плоти и духа работал в режиме нон-стоп. Без перерыва на обед и в четыре смены. Каждый в легкую мог стать продуктом общественной мясорубки. Подобные тянутся к подобным, они дружили с третьего класса. Макс и Борек учились в «Б». Шутил, Чика и Некрас на параллели, они тяготели друг к другу. легковзвешенные – Боря и Чика, не далеко отошедший в силу своей природной приспособленности Шутил. Интеллигент, педант, сын своих манерных родителей Некрас и идейный вдохновитель Макс. Бесспорно последнему посторонние наблюдатели с галерки отдавали без прений пальму первенства.

Все пятеро молодых людей закончили десятилетку в банальной средней школе сибирского города. Выбор – жизнь. Понимали все, как один, что эта та развилка, которая разводит друзей по разным сторонам.

– Но мы не все, – говорил Шутил. Его бешенный взрывной темперамент заставлял порой беспокоиться. – Мы должны быть вместе.

– Это не всегда реально... Но не ничего не возможного, – слова Макса доставали любого и щекотали диафрагму. – Нужно общее дело.

– Без проблем – криминал, отработаем по беспределу. Одно на всех дело и заведут.

– Не гони.

– Жизнь покажет, – уронил липкую фразу Борек и выпил рыбный стакан с разливным «Жигулевским».

В подвале повисла тишина. Все смотрели на Макса. Лишь он один, окончивший школу с золотой медалью, имел реальные шансы для поступления в ВУЗ.

– Куда метишь? – первым порвал пафос неуютной дистанции Боря.

Максим неоднозначно пожал покатыми плечами:

– Хотел на юрфак.

– Что тут катать, корешок. Хотел, так и поступай. Нас на старости лет отмажешь, – Некрас хохмил. Влад его поддерживал в этом:

– Базар вам нужен, пацаны. Свой адвокат, возвращенный в купели каменных джунглей. Будет делуго разруливать. В кулуары власти вхож.

Боря молча пил и ковырял кроссовкой в пыли подвальной. В тот момент его темпераменту мог позавидовать флегматик сфинкс.

Макс посмотрел в низкий потолок так, словно вспомнил будни Оссоавиахима.

– Может, лицо кому-нибудь набить?!

– Чтобы наши экс-преподаватели не подумали, что мы достаточно толерантны? – продолжил Чика.

– Типа того, – и Борис смачно сплюнул слюну пивного оттенка в бетонную пыль их юности. Плевок сгруппировался и как колобок укутался в муке той самой пыли.

– Но жить-то как-то надо, – философски изрек Макс.

– Учитывая, что мы этим заниматься только начинаем...

В жизни каждого наступают моменты, когда необходимо принимать переломное, как прут из метлы, решение. Каждого. Просто, за кого-то его принимают другие. Ну, что ж, он сам проебал свою вспышку. Выйти из подвальной тени тяжело. Это как перепилить гирию, в которой золота – нет. Трудно детям подземелья выбраться на свет. Вернее, выбраться совсем не трудно, трудно другое. Устоять и не ослепнуть от того света. Тем паче молодым, переполненным амбициями и наполеоновскими планами людям. В свет и не ослепнуть, не потеряться от того света...

– Света-а, Све-е-та-а, о-о, ништяк. Давай, малышка, у-у-ух-х! – шипел и стонал в зависимой истоме Шутил.

Шустрая и крашенная не опытным маляром блондинка засовывала и высовывала его крайнюю плоть в свой и из своего пышного искушенного рта. В углу сидел Чика и обсасывал плавничок вяленой рыбы. Боря пил. Макса уже на этом празднике жизни не было. Он, как самый привлекательный для женского пола, отстрелялся первым и ретировался с подвального бардельера. Некрас вежливо дремал.

Боря вздрогнул и выронил стакан. Чика оторвался от плавника. Это Шутил, как заправский сабвуфер, выдал порцию продолговатого истошного ора. Наконец-то он смог это сделать. Он все же кончил, пьяный и изнеможенный. Эксплуататор Светкиных бутонов, он все же сделал это, гоня вялого, он все же кончил. Это было как великий Хельсинкский прорыв Брежневской дипломатии.

– А твоя мать-то знает, чем ты тут занимаешься? – спросил Борек, отряхивая стакан от падения.

Приподнялся на локте Некрас. Локоть был опухший и отлежанный, как и его верхняя чакра в те похмельные минуты. Высокий, как небо, и грустный, как украинская луна, он сполз с раскладушки цвета американского флага и, расстегивая ширинку зеленых слаксов, потащил себя во тьму, как сомнамбула. Пиво выходило, необходимо было слить конденсат.

– Давай, торопись, а то мочевой пузырь лопнет, ноги промочишь!

Некрас ни как на это не отреагировал. У него бы и не хватило сил. Язык присох к небу и еще... наверное, к зубам, а быть может он – этот язык говяжий, опух на весь рот и мешал Сергею даже ходить.

Именно так на заре перестройки в период великой Российской депрессии зарождалось фундаментальное будущее, лишённое принципов или с приобретенными новыми. Каждый – хозяин жизни. Любой, дай ему точку опоры перевернет на хрен земной шарик. Любой мечтал тогда дотянуться до небес.

– Мы сделаем это!

– Что?.. Именно?

– Не хуже других.

– Предлагаешь стать барыгами, кооператорами?!

– Откуда, скажи, мой юный друг, такие босяцкие понятия. По-твоему, торговать – запаadlo? – восстал Шутил.

– А ты как считаешь?

– Так же.

– А я как?

– Запаadlo.

– Ну и?

– Поедем в Поляндию по отъему работать.

– Это ты – рэкетир? Авоська с костями, суповой набор, – Некрас еще не ожил, но грубил не по-детски. – Понимаю – я, или Борек, а на себя дыбани в зеркало. Бебики-то растаможь.

– На каком основании такой разговор в мою сторону ведешь...

– Осади! – взорвался как ручная граната Боря. – Слышь, бандюги, уже статус делите. Остыньте. Надо всем решение принимать, с Максом посоветоваться...

– Он со старшими станет нас мазать работать.

– Одни без поддержки, один хуй, не срастется. Это в тебе синие амбиции.

– Ты прав, Борек, – закатил глаза Чика. Прошло время примитивного материализма.

– Не может быть?!

– Я тебе... говорю, как доктор.

Декабрь, 1990г. ресторан «Сибирские огни»

– Что творить будем, пацаны?

– Скверная заноза, надо отметить, – Борек сверлил перфоратором зрения накрахмаленную скатерку круглого стола, словно в Камелоте собрались эти парни за этим столом. Рыцари круглого...

– Левая блевота, офоршмачился ты, Шутил, по самые помидоры.

– Выход есть? – осторожно спросил Савва.

– Пока не знаю, – выдал без лишних эмоций Макс.

Боря продолжал медитировать.

– Но то, что не просто будет разровнять, это сто пудов, – резюмировал Боря. – Воры – это не в кипеш серьезно.

– Трудно будет, – согласился Чика.

– Трудно не означает невозможно! – попытался быть оптимистом Шутил.

– А вам не кажется, милейший, что этот лозунг годится на транспарант тем, кто мучается запорами.

– Ни хуя не весело, пацаны, посмотрел бы я на ваши немые еблишки, если бы вы угодили в подобный замес, – Шутила колбасило, как грушу с бетоном, и было отчего.

Законник Кава или Ренат Казанский, и то и другое нарицательное, выдвинул братве ультиматум: отдать на раздербан Шутила. Был косяк, но спорный. С ворами рамсовать не хотели те, кто стоял за этой пятеркой.

– А что кричит Горе? – не оставлял надежд Савва.

– Костя не подпишется (Костя – Горе). Ему легче тебя блатным положить, нежели с ними в дерби вступать – трезво предположил Чика.

– Ну и че, ну и че-е... Давай, отдайте меня этим фиолетовым, хули тележить. Пусть на ремни распустят, и всем в кайф станет...

– Да, осади... Чего ты гонишь, были вместе. Ты в нас, как гаденьшей, усмотрел фуганков? – Боря воскрес, покидая нирвану. – Предположим, что мы отмаксаем им, но вопрос – сколько?

– А это выход, – одобрил Макс. – Приторочим ворах филача. Все лучше, чем Шутила под молотки. Один хрен, и нас прицепом, а так – фора. Будет день и будет пища, – Макс печатал слова как надежный и проверенный ундервуд.

– Отзвони Фоке, забей стрелу, поищем компромисс, – маякнул Борек.

Чика сдернул с кресла радиотрубку и скопировал с помятого, как утренняя блядь, клочка бумаги судьбоносную комбинацию цифр...

* * *

Осень, 1989г

Макс вне конкурса оседлавший коня сибирского универа, уже через два-три месяца выплюнул набивший оскомину гранит науки, и принял решение прожить его на заочном факультете. Дружба – святое чувство, а солидарность – подтверждение тому. Костя Горе – авторитет местного разлива достаточно котировался в криминальном табеле о рангах, с ним

и стали работать те, о ком идет речь. Колпаки, рыночный отъем, квартиры на десерт, но этой банальщиной читатель сыт, по самое не хочу. И сладким и горьким. Возможно, не покажусь оригинальным, но всю эту шнягу описывать не стану. Как у известного диссидента: «Я уверен, не случайно дерьмо и шоколад примерно одинакового цвета, тут явно какой-то многозначительный намек. Что-нибудь относительно единства противоположностей».

Профиль проявился сам собой, как изображение на белом глянце в красном освещении, погруженное в рефренную ванночку фотографа. Ребята специализировались по автоугонам. Работали дерзко, при случае за них могли сказать слово, тот же Горе и его пацаны. Пятерка работала справно, чужого не брали, доляжку отстегивали, словом, как и было нарисовано по сценарию тех лет.

Помните времена Горбачевского «прохибишена», то бишь сухого закона.

Бутлегерский бизнес на железнодорожном вокзале держал под контролем Кава – коронованный авторитет с фиолетовой распальцовкой, хранитель и поборник неписанных воровских законов. Нет, разговоров быть не может, каста есть каста, но монополия... Работаешь, и дай другим. Так решил Савка Смехов – Шутил.

* * *

– Пойми, корешок, тут тема воровская. Она не только на бизнесе выстроена, – размышлял Макс, общаясь с Шутилом. – Это жиганское племя. Они и за базар подтянут. Ты сказал «Насрать на него», то есть на Казанского...

– Ну?

– Гораздо проще, если бы ты не говорил «на него».

– Просто «насрать»?

– Ну, как бы, легче раскидать, а тут...

* * *

Он встретил ее...

– Вообще-то я холостяк по натуре, но «амурам» на это глубоко насрать, – сказал Шутил.

Он был влюблен не по-детски, его либидо достигло наивысшей точки эскалации. Она ворвалась в его жизнь, как ручная граната, разбросав повсюду свои осколки. Пацаны отработали очередной заказ.

– Это мерин, сто девяностый, – передал просьбу клиента Боря.

– Кто заказчик? – осторожностью Макс никогда не брезговал.

– Есть разница?

– Вдруг красный.

– У нас практически весь город красный, – вставил Некрас, ковыряясь обломком спички в глубине своего пещерного рта.

– Его рекомендовал Горе. Этот фуцын – коммерсант из Новосиба. Ты бы лучше спросил, на чей Мерседес он глаз положил! – и Боря выдержал театральную паузу. – Коля Глобус.

– На глобусовский мерюк!? Ни хуя, девчонки пляшут.

– По любому, до него ветер донесет, чья делюга, – резонно предположил Чика.

– Мы можем уйти в отказ.

– Будем работать... Если вы не против, – взял на себя миссию трибуна Макс, когда узнал за сумму.

– Мне до пизды, отступить – бежать, наступать – бежать, – фыркнул Борек и почесал пятерней подбородок.

– Говно вопрос, давай исполним, – оживился Шутил, – я всегда за здоровый кипеш.

Работали впятером. У каждого мобильная радиостанция Моторола. Макс и Боря делают мерина. Шутил с Некрасом ведут впереди. В случае мусорской прокладки на дороге, цинкуют по рации Кентам, и те в свою очередь либо тормозят, либо продолжают движуху в другом направлении. Чика страховал сзади на серой копейке.

Мерседес Глобуса появился в городе один из первых. Коля, авторитет с коммерческой прослойкой, пригнал его из Первопрестольной. И надо полагать, что они и не догадывался о заказе Новосибирского гостя.

Сама ходячая уверенность, то бишь Коля Глобус, считал, что не родился на свет еще человек, который в этом городе строил бы ему препоны. Глобус якшался как с бандюгами местного пряного посла и со столичным криминалитетом, те в свою очередь жаловали Николая, а Николай не испытывал в связи с этим дефицита пространства в родном городе, и даже порой «царские милости в боярское решето сеял».

Пасли Колю с неделю. Заказчик не торопил. Необходим один и самый верный момент. Сорвется, больше подойти никто не даст.

– Заebet этот Глобус-компас, чего он все дефилирует вокруг, – нервничал Чика.

– Походу, сегодня тоже не срастется, – обреченно вздохнул Некрас.

– Как говорил Бомарше: «Если добиться успеха трудно, нужно просто приложить больше усилий», – процитировал Макс.

– Чего предлагаешь?

– Просто ждать, терпение будет оценено.

– Кем? Глобусом?! Он скоро срисует нас.

– Чего ты меньжуешься. Не так он и умен, если плешь как у Ильича, это еще не показатель.

– Это да, если бомж босяком рысачит, это не говорит о том, что «Война и мир» рождается под его патлами.

– Пацаны, ништяк, походу наш день, – насторожил всех Борек.

Глобус подкатил к своему офису и, прихватив из салона жесткий файл, не заглушив ДВС, выпулился на воздух.

– По местам? – спросил Шутил.

– Время нет, проебать можем. Сейчас, как он войдет в офис, я падаю в мерина и на свал. Вы за мной. Уходим дворами. Сначала по «Иванова», затем на «Набережную», дальше на объездную. Короче, будет видно...

Широкая кашемировая спина и шикарная лысина Глобуса скрылись за дверью с логотипом фирмы. Боря уже сокращал дистанцию от шестерки до Мерседеса. В голове крутилось одно, лишь бы успеть. Глобус может в любой момент вернуться, двигатель работал в унисон Бориным мыслям. «Почему так долго, почему он так далеко». Мимо проносились целые эпохи, ветер менялся местами с дождем, зима с летом. Внутренняя часть головы Бориса живо напоминала наше государство в то смутное время. Вот она, вот... она, заветная, блестящая, как лысина хозяина, дверь автомобиля.

Боря дернул податливую ручку на себя и бросил свое туловище на велюровое сидение. Дверь из офиса распахнулась. Мысли роились в голове... Акселератор в пол... Руля влево... Глобус уже на капоте. Его черные глаза встретились с синими Бориными. Мерседес гальманул скатами и туловище Коли Глобуса, перекатившись через правую часть крыши, мешком рухнуло на скользкий асфальт. Боря пытался не смотреть в прямоугольник зеркала заднего вида, но он видел, как тучный Глобус бежал и падал, махая руками, словно опухшими от долгого перелета крыльями. Скоро дородная фигура материализовалась в жирное ляпистое пятно на листе грязного города и исчезло вместе тем, как Мерседес ушел в поворот.

Все было ровно. Делюга срослась в цвет. Мысли Савелия были чистые, как слезы Хакамады, и вдруг в короткие мгновения такое дикое нагромождение абсурда.

Лязгнули ворота СТО, Мерседес плавно, как сырок «Дружба» вкатился в оборудованный бокс. Здесь с ребятами должны были расплатиться Новосибирские эмиссары, а дальше у мерина, увы, иная судьба.

– Полтинник, как говорили! – шевелил резиновыми губами представитель. С ним общался Борек

– О чем ты говоришь, и с кем ты договаривался? Мы работали за пятьдесят пять, если для вас пять не филки, нам, босякам, и это не кислая прибавка.

– Горе же кричал...

– Горе кричал, а я говорю. Если, пацаны, вас что-то не устраивает, не сочтите за грубость...

Шутил дальнейших раскладов слушать не хотел. Его убало током, потом забили индейские барабаны, и родилось в этом хаосе светлое чувство. «И снова наступила тишина». Я молчал, потому что родился в бедном семействе. А значит, я буду небрежным и сдержанным. И прежде чем действовать, буду узнавать – во сколько мне это обойдется.

Перед ним стояла она, заплаканная и растерянная. Ее конолевая восьмерочка ни в какую не желала слушать свою прелестную и хрупкую хозяйку. Как шкодливого дитя, она плевалась, пукала и дергалась, когда Марина ехала на диагностику.

– Вы чем-то огорчены, сударыня?

– Я?

– Именно, – нежно пошел в атаку Шутил. – Вас, наверное, разводят на лаве эти автомастера. – И Савва бросил взгляд на чумазого Кулибина.

– Да у нее карбюратор и зажигание позднее. Хуйня! – оправдался тот.

– Вот видите, хуйня... извините, красавица, пустяк.

Девушка искренне улыбнулась, осветив улыбкой серое помещение. Шутил зажмурился.

Милая девушка стала милой девушкой Савки Смехова. Мариночка – единственное, но отнюдь не избалованное дитя своей матери. Между прочим, информация к размышлению: мама Марины – директор треста столовых и ресторанов. Я надеюсь, смог отместить вопросы читателей относительно новой «восьмерки». Вспомните, в какие годы проходят действия. На этом фоне ВАЗ-2108 смотрелся весьма впечатляюще.

* * *

– А почему у татарина погоняло Кава? – задал вопрос Шутил, хотя справедливости ради надо отметить, что это вряд ли интересовала парня угодившего в замес и воров в опалу.

– Спроси чего полегче, – как смог ответил Некрас.

– Жульман, по ходу, сам ломает себе затылок, почему ты – Шутил.

– Сомневаюсь, что он озабочен такой теоремой.

Шутила трясло, он нервничал, хрустел костяшками пальцев и часто думал о ней.

– Жулики – не безбашенные бандерлоги, – стал подводить Макс, – им лаве необходимо вернуть, на которое ты их приземлил.

Максим рассуждал не по годам, аргументированно, без лишних эмоций.

– Кто кинул? Я лишь двинул свою партию...

– Шутил, подожди, они свой slam потеряли, ты их купцом свою ваксу зарядил ниже ценой. Барыги по любому тоже попали, но до них нам дела нет. Я думаю, синие примут откупные, вопрос, где сармак взять, запросят как с полноценных.

Шутил думал о ней...

* * *

Марина оказалась, как я и говорил выше, не избалованной юной леди. Но манер ей было не занимать.

– Ты мягкая и бархатная, – шептал Савва после акта совокупления. Таких слов он раньше не знал.

– Савушка, – и Марина нежно дотянулась до его губ, а оказалось, до самого сознания.

И снова секс, на грани безумия. Шутил взлетал, как на качели, а приземлялся как без парашюта. Я бы мог написать, что он кончил ей в рот, но это будет несколько не романтично... Вы не находите?!

Он кончил в нее, она застонала и поспешила ответить взаимностью. Эти два тела сливались в одно, подобно сиамам близнецам. Они исключительно подходили друг к другу вопреки прогнозам засранцев астрологов. Луна в тельце, игла в яйце и прочая блевота. А Шутил в Марине, а это уже жизнь. Савва даже не хотел участвовать в показательных оргиях его сотоварищей с пассиями легкого, как пух, поведения.

Мать Марины, женщина во всех отношениях приятная и обходительная, возвращала дочь без мужа. Выбор дочери Валентина одобряла без сопутствующих дополнений со своей стороны.

Однажды Савелий прибыл к Марине, когда Валентины не было дома. Исполнил свой мужской долг, оделся и вальяжно развалился на тахте, упершись в ящик. Марине отзвонилась подруга, живущая в соседнем подъезде, и попросила Маришу буквально на несколько минут зайти к ней. Женские секреты – мать их. Савва остался один, он не собирался скучать.

– Я скоро, мой хороший.

– Все в порядке, – сказал Шутил.

Выходя из подъезда, Марина столкнулась в дверях с матерью и осторожно предупредила ее, что дома Савва.

– Не пугайся, мамуля.

– Никаких проблем, – и Валентина беспрепятственно преодолела расстояние до своей квартиры.

Шутил не мог рассчитывать на такое скорейшее возвращение объекта своего обожания, посему в конце расслабился и от души бзднул, непоправимо испортив воздух в комнате.

Валентина прозорливо подготовила комплимент в адрес избранника дочери. И, перешагнув через порог квартиры, многозначительно произнесла:

– Наконец-то в нашем доме запахло присутствием настоящего мужчины.

Наверное, она еще хотела продолжить: что это именно то, чего им с дочерью так долго не хватало. Но, хватив ноздрями абстрактное творение Шутила, вовремя остановилась. Думаю, даже пожалела и о первой половине заготовленной фразы.

А в остальном они ладили...

* * *

– Кава, пацаны Горемыкинские отзвонились, – молвил Фока, правая рука Казанского авторитета, особо приближенный к левой пятке императора.

– Чего кричат? – нейтрально узнал Ренат Казанский.

– Встречи просили.

– Ты им назначил?

– Базар тебе нужен.

– Базар нужен нам всем. По любому воздуха попросят забашлять, чтобы мы щюсенка не мочили. От его смерти у нас не прибавится.

– Но и не убудет.

– Это ты верно заметил, но бабло ушло временно, поэтому мы с них его спросим, сумму обдумаем, набросаем, что почем.

– Может, озадачим чем поциков?

– Идея фикс, прикольно мыслишь, Фокич. Они по угонам отрабатывают, если я верно осведомлен.

Фока утвердительно кивнул и запустил себе в ноздрю белую дорожку марафета. Кава презрительно сморщился и стал похож на кожаный портфель эпохи Коминтерна. Он и сам был не без греха – двигался жульман, на игле сидел, но предпочитал разламываться, когда с делами было все ровно, ну, или подготовлено к тому. Сделал дело... и т. д. Это вам не сборник русских пословиц.

Поморщился, но замечания делать не стал.

– Как говаривал Шкловский: «Бессмысленно внушать представление об аромате дыни человеку, который годами жевал сапожные шнурки».

– Это ты к чему?

– Во сколько завтра? – проигнорировал Фоку вор.

* * *

В те годы особо активные и здорово мыслящие умы нашей эпохи неплохо поднялись на водке. Сухой закон, вырубленные виноградники. Американская ошибка не о чем не говорила пятнистому Мишке. И он смог породить собственных гангстеров. Не в крынку бздеть. Вероятно, он этим гордится и по сей день.

– Слушай, Савва, – Марина была обращена в холерическую натуру и не желала своей идеи забиться, затереться в глубине ее светлой головы.

– Я весь внимание, дорогая.

– У тебя есть выходы на оптовиков по водке?

– А есть водка?

– Во-первых, вопросом на вопрос, если тебе доподлинно известно, отвечать безграмотно.

– А во-вторых?

– Водки – море. Я через мать хоть вагон приобрету. Даже под реализацию.

– Ну, в способностях твоей матери не сомневаюсь, – и Шутил освежил свою память на предмет должности Мариной матери. На трудовые доходы наши люди автомобили не приобретают. – Через вокзальных барыг-зверьков. Можно через таксистов, опять же на вокзале. Но чреват. Там Кава масть держит. Его кон.

– А он кто?

– Вор из Казани.

– Своего что ли нет?

– Своего нет, город красный. А смотреть за ним кому-то надо. Каву и поставили смотрящим.

– Кто поставил?

– Горбачев!

– А серьезно?

– Да не все ли равно, – но мысль о вагоне алкоголя плотно поселилась в головных магистралях Шутила. «С пацанами надо пообщаться, а с другой стороны, скину партию, кто дыбнет, что я? И на всех на нас лаве хватит. Пацаны лишь одобряют».

Он был соткан из сплошных противоречий, как ковер-самолет.

Здание кинотеатра «Октябрь», отделение милиции и неказистый как замыслы Троцкого, детский дом творчества, формировали стиль этой улицы. Позади «Ленинская» ярмарка –

муравейник кооператорского движения. Бабло из воздуха, лоховские термопереводки для совдеповских футболок, вязанные шапочки-пидорки – О'ля «Рита», «индийские» мохеровые шарфы, скаметрированные за полночь из гигантского ханойского пледа. Посреди всей этой вакханалии станки с наперстками, столы с лотереями-лохотронами и будка с хиромантами.

Шутил пребывал в приподнятом настроении. Накануне он укатал гордого азербайджанца Адила принять у него тридцать ящиков «Столичной». Для человека восемнадцати лет – эта сделка сулила баснословный колоссальный подъем. Адил на свой страх и риск намазался, при этом сославшись на отсутствие финансов и плохую торговлю, вежливо отказал бутлегерам Кавы. Азер понимал, чем рисковал, но жадность родилась на порядок раньше самого Адила.

Забегая вперед, скажу, его застрелили через неделю. Проникающее в голову.

Савва, Марина и Борек бесцельно дефилировали по ярмарке. Иногда пили разливное пиво.

– Медиум! Смотри, корешок! – привлек внимание к палатке с астральным рисунком Шутил. – Испытаем судьбу! – предложил он же, не догадываясь, что он ее уже испытывал.

Борек относился к подобному скептически. Марина была в восторге от перспективы покопаться в будущем.

Хиромантка оказалась так себе. Борьку за компанию нагадала неприятности, Шутилу безбедное будущее. Борьку по ладони предостерегла. «Цыганка с картами – дорога дальняя...».

– Вашему телу, наверняка, не приятны травмы? Я ведь угадала?!

Боря ухмыльнулся уголком рта.

– А также эти травмы вам не желательны, – бросила она заключающий весомый довесок.

«Ну, да, конечно, только ему, Борьку, травмы и ушибы противопоказаны. Остальных хоть лопатами изуродуй, хоть жопу на голову натяни, хоть бы что. Живи и радуйся. А вот Боре, блин, очень не желательно». Во, прогнулась. Борис бросил измятую купюру и побрел в сторону вывески «Пиво».

– Там хоть наебывают, так мне этого хочется.

– Зато я стану сказочно богат!

– Ага, станешь. Она тебя грузит, а ты хаваешь, это она станет на порядок состоятельнее.

– Ну, а я что?!

– Драчучу, – беззлобно подколот Борю. – Алеша! Кирзовые уши.

– Давай, давай, обо мне еще заговорят.

– Да кто бы сомневался.

* * *

– Ну, что двинули.

– Сейчас Чика подтянется.

– Может и я? – осторожно поинтересовался Шутил.

– Да ты, что Шут, не посрал, – обрубил Некрас.

– Ты, Серый, сама вежливость, – надулся Савка.

– Головой надо думать, за тебя базарить будем. Твой вопрос вообще еще не решенный.

– Ладно, поехали, – подвел черту пикировки Борю, увидев на горизонте Чику. – Святое дело, друга из беды выручать идем, – попытался он же разрядить накалившуюся обстановку.

– Нервы не в пизду, – согласился Некрас, втискиваясь в тесный для его габаритов салон шестерки.

– С Богом, пацаны.

Шутил выцветшим осенним взглядом пасмурно проводил удаляющуюся корму Жигулей. От чего-то он не особо верил в благоприятный исход безнадежного предприятия.

«Но пацаны сказали с Богом...».

Встреча была назначена за спортивным комплексом «Спартак». «Матч состоится в любую погоду». Тихое место, непроходное, максимально выгодное для бандитской стрелки.

– Сейчас покрошат нас в капусту на пирожки.

– И это не исключено, но в этом есть свой плюс.

– ?

– Мы не состаримся, – успокоил Макс.

Жулики прибыли на стрелу загодя. Двухцветный внедорожник «Форд-Бронко» перемаргнул дальним светом, когда шестерка с квартетом въехала на задний двор.

– Ну, что, пошли, покойнички, – подбодрил Боря, первым покинул теплый салон легковушки.

Все четверо подняли воротники. Порывистый ветер гонял колючую снежную крупу.

– Да уж, не манна небесная, – подметил Макс.

На встречу двигались трое с геометриями угловатых лиц, напрочь лишенных интеллекта. Глаза не отражали ничего. И это обстоятельство заставляло леденеть кровь в жилах восемнадцатилетних подростков. Но, главное, этого не обнаружить, а то сломают.

Следом шли Фока и сам Ренат Казанский, доселе ребята его не видели. Низкий татарин сухого телосложения с высушенным уркаганским лицом, взгляд с прищуром, законник не отводит его не на йоту. Это вообще характерная деталь людей подобной формации. Кисти рук вроде как чистые, хотя, кажется, что-то там синее из-под манжета белоснежной сорочки. Та в свою очередь выглядывает из-под рукава серого, ладно пошитого пальто.

Авторитет потер костяшки рук, вскинул голову и молча предложил пацанам держать слово.

– Мы приехали, – начал Максим, – говорить за нашего друга.

– Вы, Кенты, не так давно от мамкиной сиськи оторвались, а уже с блатными на стрелку торопитесь. Но за это уважаю, измену лихо маскируете. Какие предложения, я не искал компромисса, вы попросили выслушать, – Кава говорил сухо и отрывисто.

– Он готов признать косяк, а мы в свою очередь, предлагаем вернуть убытки, понесенные вами, – продолжил Борек.

– Погоди, браток. О каком косяке ты здесь мне втираешь. Ты знаешь вообще, что есть косяк? Он попытался оскорбить вора, а это не прощается.

– Назови сумму, – холодно оборвал Боря.

– Борзый ты, но базаришь в тему. Я назову вам сумму послезавтра... с бухгалтером надо перепиздеть, – ухмыльнулся Кава.

Его поддержал Фока, у второго получилось это пародийно.

– Завтра, – продолжил урка, – ваш хуепутало пусть сайгачит в тот кабак, где оформшмачился, к двадцати часам. Будут люди, он публично извинится.

Макс согласно кивнул головой.

– Хули гривой машешь!

– Понял, – Максим еле сдерживал агрессию. Он трезво отдавал отчет происходящему и исходящему из его взрывных поступков.

– Есть еще кое-что, – Кава выдержал паузу, вставляя сигарету в изящный мундштук зековской работы, закурил и только после продолжил...

* * *

– Слушай, Маринка, это надо отметить.

– Савва, родной, мы так и сделаем, но давай все деньги завезем домой. С такой суммой...

– Все будет ровно. Конечно, сначала домой.

Деньги, полученные от Адила, Шутил прозорливо оставил дома, выщипнув из заработанного прессы сумму на «разгуляй».

– Народ для разврата собран?

– Собран!

– Тогда вперед! – и Савелий по-ленински проложил незримый путь движением руки вперед.

Гуляли долго и со знанием дела. Он дарил ей цветы и купал в шампанском. Им казалось, что вот именно такой и никакой больше должна быть жизнь, их жизнь. Ощущая себя, по меньшей мере, Бони и Клайдом, молодые люди хлопали дверями одного за другим ресторанов. Если жить, то только так. Как он, Савелий Смахов, мог раньше пить тухлый портвейн или порошковое выдыхающееся пиво. Это так глупо. Равно, как глупы строчки «недалекого» недоумка «писателя» Уксусова: «Над городом поблескивал шпиль адмиралтейства. Он увенчан фигурой ангела натуральной величины».

На утро они проснулись на одном одре, потные, счастливые и в обнимку. Выжатый как лимон, Савелий прохрипел:

– Вот так однажды мы умрем в один день.

– Но до того будем жить счастливо.

Было плоховато после ночного бардельеро, но не так, чтобы очень. Статус напитков сплошь благороден. Мартини, Шампусик со двора ее величества королевы Марго, быть может, и от «Клико». Кто его разберет, да еще в эти годы. Весь день провалялись как полено, смотрели тупо телевизор, иногда прерывались на занятие любовью.

Ближе к пяти Шутил неожиданно подскочил, оделся и исчез за шпоном входной двери. Вернулся скоро. Принес барский букет голландских роз, рассыпая их по постели, и пригласил Марину в ресторан.

– Ты там сделаешь мне предложение?

– Это отличная идея.

– Она принадлежит не тебе? – и Марина наигранно наморщила кончик своего носа.

Пока Савка принимал душ, на телефон Марине позвонили. Он слышал звонок, но сквозь струи воды. Отплевываясь и что-то мурлыкав себе под нос, он не отвел этому звонку никакой роли на подмостках театра собственной жизни.

– Савва, тебя! – пригласила юная хозяйка.

Наспех смахнув с себя влагу, Шутил укутался в махровое полотенце и прошлепал в зал, оставляя за собой трафареты мокрых ступней.

– Алло? – небрежно спросил он. Звонил Макс

– Ты чего, Савок, натворил?!

– ?

– Ты в жесткую катку угодил, ты в курсе?

– Говори понятнее, сделай милость.

– Ты зверькам водяру двинул? Только не гони.

– Ну. А какие дела? Чего непонятки?

– Какие, в жопу, непонятки. Тебя жульманы ищут. На ножи хотят поставить. Эти азера от них партию ждали. Ты им куш поломал и ценником убил.

Последняя фраза как молотом о наковальню ударила Савку по обоим чакрам и гулко сдетанировала в голове. Он же предполагал такой расклад. Он это предполагал.

– И что делать? – попытался нащупать компромисс он.

Марина застыла в дверном проеме, как статуя свободы, держа вместо факела колючую массажную расческу. По зеленеющему лицу любимого она могла догадаться о характере беседы. И для этого совсем не обязательно быть семи пядей во лбу.

– Решать надо. Они Некраса выцепили, подмолодили, за тебя спрашивали.

- А Некрас-то при каких делах?
- Это ты им объясняй. Они в курсе, что мы работаем вместе. Дальше читай между строк. Ты пока не высовывайся. Я Горе найду, может через него порешаем.
- Хорошо.
- Ни хуя хорошего, – и Макс оборвал связь.

* * *

– Есть еще кое-что, – Кава выдержал паузу, закурил и продолжил. – Вы, пацаны, по тачкам отработываете. Есть работа для вас. Как сармак мне загоните, педальте в Казань. Вас там человек мой встретит. Там кости поставите. Чтобы меня не попытались по фраерски ошармачить, глаз за вами будет. Есть на моей родине один «пассажир» (лишний человек) барыга по всем статьям гудбай, но не в том суть. «Грести полундру» не его (воровать), я же базарю – коммерсант. Тачилу нафокстроченную себе надыбал. Бэха, то ли пятерка, то ли семерка, я в них не петрю. Я – уважаемый человек. На Волге по родным местам разъезжаю, а этот пархатый на БМВ. А как же статус, где справедливость. Я бы и так его «огорбатил» (обделил), но не тот кон нынче. Нет желания и времени конфликтные препоны мастырить, да и с администрацией он на вась-вась. Отработаете у него Бэху, наказать надо фуцына. Если с этим все, то до после завтра, отбошляете «тити-мити» (деньги) и в Казань...

- Это мы еще легко отделались, – смахивал пот Чика.
- Еще вопрос, где денег вцепить, не на ящик водовки попросит.
- По любому.
- Шут все лаве поднятое пусть на кон выгребают. Марина пошустрит, у нее мать кушевая. Если что, у Горе перехватим. Я так катаю, уж лучше ему торчать, чем жульманам.
- Всяко! – согласился Некрас.
- Боюсь, что машину скинуть придется, – и Макс сиротливо посмотрел на ... «шестерку».
- Сначала воровской вердикт выслушаем, а после... Если что, есть у меня одна вкусная наколка. «Девяносто девятая» – коноль, мокрый асфальт, соседа приятель приобрел по случаю. Отметим, номера перебьем и за долг отдадим.
- Реально! У бандюков сейчас такой цвет котируется.
- Сто пудов.
- Пусть Шут колготками тоже пошевелит, а то прется, туловище, на титьке, а второй укрывается, а мы за него делугу разматывай.

* * *

- Что случилось, Савушка?
- Плохие новости.
- Это из-за... из-за...
- Да, по водке встряли в замес. Воры засаду готовят. Вечером все, думаю, проявится, пацаны просканируют тему и настроение в массах.

Шутил плюнул и решил не откладывать поход в ресторацию. «Какого черта! Выпью, станет не так муторно». Так думает львиная часть прогрессивного человечества.

В ресторан в те годы попасть было не так уж и просто, но на имя Марининой мамы была безлимитная бронь. Ведь вы еще помните, кем она работала?

Савка пил водку, пил часто, почти не закусывая. Этим он пугал Марину. В столь юном, по меркам алкоголя, возрасте весьма проблематично нащупать ту грань, ту планку, после которой все плывет. Ближе к девяти Шутил изрядно наикидался. За соседним столиком сидели

химиковские пацаны, чуть левее левобережные. Кабаки и рестораны – излюбленное место тусняка после ратного рабочего дня у братвы.

– Шут, ты что тут творишь? – услышал Савка удивленный голос откуда-то сверху из-за спины.

Это был Леня Узбек, он работал с Костей Горе и был уже осведомлен о проблемах Шутила.

– Леня? Здорово, брат, – запинался языком за коренные зубы Савка. – А в чем трудности?

– Это у тебя трудности. Ты чего исполняешь, из-за тебя сыр бор идет полным ходом, а ты тут на глазах у пацанов фестивалишь в полный рост, на филки, между прочим, мутно заработанные.

– Тебе откуда знать, на какие я бухаю!

Еще поодаль расположились те, кто хорошо знал Каву. Шутила несло по бездорожью. Леня пытался поставить его на место лояльными методами, вернуть на землю.

– Ты бы ехал на хату, да жопу прижал, пока мы все не устаканем.

– Ты, что ли, Узбек, устаканивать будешь? – ерничал Савелий.

– Если не угомонишься, тебя прямо здесь к ответу подведут. Ренатовские за твоей спиной. Снимайся по скорому. Вот ты исполняешь!

– Да насрать, – раздухорился, как доменная печь, Шутил.

– Осади своих блатных коней, корешок.

– Да насрать на этого Татарина. Насрать на него! – выстрелил Шутил ядовитую фразу в спертую атмосферу банкетного зала. И, конечно же, она не была предана забвению, как мои ранние произведения.

* * *

Пыльные перроны, прощальный пейзаж. Плевки, сопли и трупы разлагающихся окурков. Слева у урны бомж, укутался в свой мир, уткнулся облупленным носом в угол вокзальной стены, затравленно озирается и вписывается собачьим взглядом в штукатурку. Он совершенно не защищен и лежит слева.

– Вот так бы не закончить, – посочувствовал Борис.

На самом деле эти падшие люди не подходящий предмет для издевок. На их персонах даже сарказм репетировать неприлично. Отчего-то люди жалеют бродячих псов, бросая им кости, а ведь это они. Это мы когда-то приложили максимум того, чтобы та или иная псина очутилась на улице. С людьми то же самое, отличие лишь в том, что они иногда умеют говорить, а те, кто имеет кров, не кормят их даже костями...

Справа от того, кто слева, милиционер, О'ля дядя Степа. Ищет жертву в толпе привокзальной. Бомж для него не больше, чем декорация. Если жертвы не будет, он оторвется и на ней.

Савка нервничал и даже злился. Его бесили оранжевые «вагонники» и «путейцы», раздражала толпа и металлический голос дежурной. Он не хотел расставаться с Мариной. Она целовала его и шептала, что все закончится здорово. Савелий знал, что в Казань ехать необходимо. В конце концов, всю эту перловую кашу заварил он, а пацаны лишь проявили солидарность. Он даже не мог дать ответ самому себе: смог бы он принести себя в такую жертву. Наверное, да. Они вместе столько лет.

Шутил тоже целовал ее, шутил, но как-то неуклюже, разбросано. Говорил ей: «Дождись!», как будто он отъезжает в армию или, по меньшей мере, на край географии.

«Жди меня, и я вернусь, только очень жди. Жди, когда пройдут дожди...» и прочую пургу нес Савва Смехов. Он озирался, падал и снова вставал (смысл слов переносный). Говорил и тут же забывал. В дорогу был жареный цыпленок, яйца в крутую и пирожки с колбасой. Пижонский набор, ничего оригинального.

Поезд плавно, не травмируя психику пассажиров, тронулся, тронулся и загаженный перрон с почтовыми телегами, зорким милиционером и человеком у стены с ямой за место будущего.

Из пункта А в пункт В ехали пятеро. На негоциантов они не тянули, скорее танкистодоры. Внимание, вопрос: «Как украсть миллион?».

Подробности в комсомолке...

До Казани пути чуть более полутора суток. Молодые люди решили и этот временной период сократить до минимума. Не мудрствуя лукаво, они, не выезжая из своей области, обглодали еще теплого цыпленка, не оставили камня на камне от колбасных пирожков и все это, чтобы не портить желудок сухомыткой, обильно запили водкой.

Ближе к Перми водка кончилась. Третий раз и как прежние два – неожиданно. Шутил с Некрасом в кедах на босую ногу сносили свои тела, измученные нарзаном, в ближайший чипок. Водки не было, набрали альтернативного портвейна.

Савка вспомнил, что больше его не употребляет, и из горла на перроне отпил пол «огнетушителя».

– Все-таки грустная штука – эта жизнь, – сказал он, переведя дыхание. Некрас согласно вздохнул.

Поезд снова тронулся, и курьеры за алкоголем чуть было не обрели политическое убежище в городе на Каме. Портвейн кончился быстро, а ночью их ждала Казань.

Чика вышел в последний тамбур покурить. Вагон был также последним. Сделал две глубокие до жопы затяжки, и тихо охуел. В дверь со стороны кто-то отрывисто постукивал. Влад посмотрел в боковое окно. Поезд шел на всем ходу. Потом ущипнул себя на всякий пожарный случай, учитывая допинг, принятый в недалеком прошлом. Стук повторился. На улице зима и тот, кто стучал, вот-вот должен был совершить это в последний раз.

Чика выщелкнул бычок и полетел к проводнице.

– Слушай, стюардесса, – запинаясь, объяснял он, – у тебя там на автосцепе заяц повис.

– Кто-о? – тупанула она.

– Открывай, ворона! Замерзнет чувак!

Дверь отворили. В вагон ввалился мешком человек приличного вида.

– Он жив?

– Похоже, нет.

– Скорее да, чем нет.

– Водки ему!

Скандировали массы и выдвигали свои версии относительно этого явления.

Оказалось, мужчина опоздал на свой поезд до Тюмени и решил таким образом добираться. Ехал от Перми, а приближалась Казань. Выносливости человеческого организма нужно посвящать «Оды» или «Танки», по меньшей мере, четверостишья. Но если читатель силен в географии, то он догадался, что этот пилигрим...

– Самое прикольное, он ехал, удаляясь от Тюмени, – рассказывал Чика.

– Во, олень!

На горизонте, там, на острие рельс, маячила Казань.

В морозной темноте этот город внушал необъяснимое волнение и душевный неуют. А величие и старина давили сверху с высоты звезд. Все пятеро ступили на землю татарскую и осмотрелись. Клубы дыма вырывались в мороз и терялись в ночи. Возможно, они улетали туда, где кто-то рассыпал звезды. Молодых людей окликнул неприметный серый человек.

– Говоря, что в Казани нас встретит человек, Кава не солгал, – подметил Боря.

Встречающий был до странного маленького роста. Возраст этого человека был таков, что, покупая себе очередной раз обувь, он резонно задумывался: «А не в этой ли обуви меня

будут хоронить?». Он даже не назвал своего имени и погоняла. Это был человек от скокаря. Но ребятам было параллельно. Скорее отстреляться и в обратку.

– Ну, что, гастробайтеры, следуйте за мной.

Хавира по раскладу человечка была надежной, не засвеченной. Ребята могли пользоваться всем, что было в ней. И еще им выделили сорок первый «Москвич».

– А вот это грамотно. Без колес мы бы вспотели.

– Базара нет, виллы.

Боря и Макс получали ликбез и полный пакет необходимых для работы инструкций. Схема движения клиента, юридический адрес его фирмы, любимый ресторан, спортивный клуб и даже автомойка.

– Вот то, что нам необходимо, – подчеркнул маркером на листе Максим.

– Автомойка?

– Она, родная. Главный конфликт нашей эпохи между личностью и пятном.

– Попроще, гений.

– Гений враждебен не толпе, а посредственности.

– Конкретней, Склифосовский, – ерзал Некрас.

– Серый, будешь спешить, когда мондовошек станешь отлавливать. Они никого не уважают.

– Кто?

– Мондовошки.

– Макс, чего ты, в натуре, выпендриваешься...

* * *

Савка сразу с поезда даже не хотел заходить домой. «Марина!». Он как Шевченковский Андрей шептал имя прекрасной польки. Но трезво сообразил, точнее, осознал всю необходимость облагораживающего с дороги душа. Без душа и мыла он походил на хоккеиста, запах был, как из-под щитков. Душ и хороший автошейв должны будут сделать из примата то, что прощалось с Мариной три недели тому назад. Ох, это коварное, но липкое, как мед, чувство. Только им наделен человек разумный, только оно отличает его от особей «питекантропов». И пока живо все это, апокалипсиса не будет. И даже тот человек за урной на вокзальном перроне, даже его «ведо» не лишено подобного. Оно попросту забило далеко в черный облупленный угол его внутреннего мира. А поднимать его наружу для человека, лишенного элементарных удобств, непозволительная роскошь. Словом, если чувство это отсутствует, значит, следовательно, это и не человек вовсе. Что и требовалось доказать.

«Я люблю, а значит я живу». По-моему так там у Владимира Семеновича.

Савва был человеком импульсивным, сверхэмоциональным, порою неординарным, но он любил, и от этого был счастлив. Его тело мылось под упругими струями душа, а душа была уже рядом с ней...

* * *

Макс выпендривался именно так. Но это была его ипостась, его маленькая слабость. Он просто кайфовал, демонстрируя превосходство своего серого вещества над массаами. Он продолжил:

– Недельное наблюдение за объектом показало, что к машине он никого не подпускает. Любит ее, ублюдок. Даже водителю доверяет редко и то в особых случаях...

– Например, съездить на мойку, – перебил Шутил.

– Верно, Савок. Необходимо вычислить график помывки авто, если таковой вообще имеется.

– Скорее всего, он моет ее, когда ему в голову ебнет.

– Точнее, по мере загрязнения, – поправил Борю Макс. – Он моется на одной и той же мойке. Может, она его Кента, или он сам в ней в доле, не в том суть, – и Макс упрямо посмотрел на Шутила.

Тот не понимаясь сложил губы конвертом.

– Шутил, твоя задача с кислой, но преданной миной заявиться на мойке и устроиться работать мойщиком.

– Ты чего погнал?

– Самый реальный вариант. Наступит момент и клиент заедет. В таких случаях люди даже ключи из замка не вынимают.

– Ну, конечно, вы будете вялиться, а я как лох набивать.

– А чего, филок наработаешь, специальность приобретешь, – подъебнул Чика.

– Может, за тебя все сделать, а ты езжай назад к Марине и не о чем не беспокойся, – полез в залупу Боря.

Шутил помялся, словно картонная коробка. Ему действительно стало не по себе.

Не буду детально писать о трудовых буднях Савелий Смехова, перейду к кульминации. Расчет стратега Малецкого оказался верным на сто процентов. Справедливости ради надо отметить, что для этого Шутилу пришлось попотеть на ниве мойщика полторы недели. Он даже начал втягиваться и слился с «влажным» коллективом.

«Бэха» черная, как намерения Гари Поттера, вальяжно закатилась в мойку. Шутила, словно кипятком окатило, его сердце забилося в рваном ритме нон-стоп. К черту попсу, начался убойный рок-н-ролл.

Из салона БМВ вытряхнулся брутальный дьяхан, доверенное лицо шефа, то бишь его секьюрити.

– Дяденька, как мыться будем? – поспешил Шутил.

Прогиб дяденькой был в сию же секунду зафиксирован. Резиновая маска его лица приобрела геометрию власти и превосходства над толпой.

– Верх, салон и пропылесось, – бросил он, и, переминаясь с ноги на ногу, добавил, – Через пару часов буду.

Он покинул помещение и сел в девятку, за ним ехали следом. Машину взвизгнула, как свинья на веревке, и, громыхая динамиками, ретировалась.

У Савелия обмякли ноги. Вот он реальный, почти сто процентный шанс. Не использовать его было бы верхом легкомыслия. Руки тряслись, подбрасывая поролоновую губку, мысли роились в голове, как рыжие тараканы. На мойке появился ее владелец.

– Савелий, хули ты, тити мнешь. Отдай машину Славе, а сам пойдем со мной, дело есть.

«Твою мать! – чертыхнулся про себя Шутил. – Какого члена!». Находчивая мысль сама сделала шаг вперед из шеренги умственного хаоса.

– Леонид Андреевич, а можно мне поработать с Бэмкой. Я еще таких не видел, просто слов нет.

– Слава, со мной! – снизошел до великодушия шеф.

«Е-е-с!».

Макс был прав. Ключ торчал в замке зажигания. Более того, за водительским козырьком Шутил обнаружил документы и... сто долларов.

«Это мне за работу». Савка даже вымыл ее сверху, и она стала похожа на лакированную галошу.

– Купила мама Леша отличные галоши..., – намурлыкивал Смехов, ключ по часовой и ДВС в режиме запуска.

«Какая мощь, интересно, сколько лошадок под этим капотом? Впрочем, какая на хрен разница». Вошел Слава.

– Ты чего завелся?

– Хочу перегнать туда, где Форд стоял, там пылесосить ловчее, открой ворота, Слава.

Слава поспешил помочь товарищу по цеху.

«Круто, мать ее, круто... супер, охуеть!». Орало что-то внутри Шутила, ломая диафрагму. Он втопил педаль до пола, и авто от Баварского производителя показало, на что оно способно. Тело Савелия вжало в сидение, он подобно летчику-испытателю сполна прочувствовал весь кайф перегрузок.

Слава бежал вслед, что-то кричал, распугивая татарских воробьев.

– Что, ебанутый, я же не слышу тебя, – хмыкнул Савка, и остался собою доволен...

– Я, пацаны, чуть не обоссался, в натуре, пушка, а не машина. Дурная, как моя голова.

– Это да! – отличился Боря. – Но ты молотком, Савок, красавец, бля буду, отвечаю!

– Да, ладно, на моем месте каждый поступил бы точно также.

– Нет повода не выпить! – взял на себя миссию тамады Максим...

* * *

Савка торопливо печатал шаги по морозному сибирскому асфальту. Он сокращал расстояние и не мог придумать, как они встретятся. «Наверное, он подарит ей цветы... Да нет, точно. Она примет его в тиски своих мягких объятий. Они будут долго гонять слюни, а потом... Но это если мамы нет дома, Шутил сорвет с нее все, что там будет, ну а дальше импровизация».

Он вышел на проспект, с него он повернет на другую улицу, которая, хитро петляя по дворам, выведет его на заветную, на ту, где живет его Марина.

* * *

Одиозный Кава был чем-то не очень доволен. Пред ним ломился от сервировки овальный стол, квадратной формы. Справа сидел Фока и поедал королевских креветок – продукт перестройки. Напротив гости вора: Симон, Саша-Кореец, и Лефик. Все «хозяйские», авторитетные люди. За плечами солидные ходки, за ходками серьезные дела. Кава час назад принял дозу и его слегка кубатурило. Он изредка кивал и почесывался, но принимал действительность такой, какая она есть.

Школа узников, постоянно держать руку на пульсе событий, какой бы кайф не заполнял вакуум в тебе самом.

Симон махнул стопку и зажевал наспех куском копченой осетрины.

– Ты удовлетворен таким раскладом? – прожевав, задал он вопрос гостеприимному хозяину.

– К чему ты подводишь, братуха? – сощурился Кава, как танковый триплекс.

– Бабло отбил, барыгу наказал чужими руками, а как авторитет... Не сочти за грубость, но не считаешь, что он пошатнулся.

Лефик хмыкнул и закурил сигарету. Кореец напрягся в ожидании немедленной реакции. Симон явно желал, чтобы пролилась кровь, «хлеба и зрелищ» – его жизненное кредо.

– Ты думаешь, что можешь сказать мне фас, раздраконить меня босяцким фуфляком, на который я кинусь, что тот подпесок. О чем ты говоришь?

– погоди, дорогой, неверно истолковал меня. Люди слышали, как этот фуфломёт неуважительно говорил за тебя. Прошло время, этот перец жив и чувствует себя превосходно... Мы-

то в теме, что он отдал тебе, что ты просил с него, но другие не при делах за это. Всем не объяснишь. Отсюда пойдут опасные брожения. Не находишь?

* * *

Савка повернул на улицу Рождественского, серый хрущевский ренессанс: черные проплешины среди неровных дворов, собачьи испражнения, дымящиеся, словно взорванные танки, колодцы, танкисты-бомжи с загорелыми лицами даже в зимний период, корявый паребрик и утоптаный тротуар. Шутил шел по нему, приближая встречу. У самого сердца под «мытой» дубленкой грелся алый цветок гордым именем роза.

* * *

Кава выпил, и не мало. Его разум зывал к справедливости.

– Фока! – встрепенулся Ренат.

– Я весь внимание.

– Будешь внимателен, будешь состоятелен. Хватит тальянку ломать. Отзвони пацанам, работа будет.

– Кому звонить? – не вкуривал Фока.

– Ты чего гоняешь?! Или два по кушу!? Звони Моцарту, Окулисту. Скажи, пусть этого терминатора взяли, как его?..

– Сугроба?

– Сугроба, да. Пусть эти ниндзя тянутся сюда.

* * *

Скороговорка: «Приехали парни на крутой тачиле, базарить не стали, всех замочили, всех замочили и перемочили, купили билеты и двинули в Чили, а все потому, что они на тачиле».

Тем, кто встретил Савелия в компании с его Мариной у выхода из подъезда, ни к чему было сублимировать собственную энергию. У них была утилитарная цель и указание авторитета.

– А сейчас я тебя угощу шампанским, ... если ты не возражаешь против моего назойливого общества.

– Савушка, я так счастлива. Я же говорила, все будет здорово.

Вся беседа построена исключительно на эмоциях и, наверное, это правильно. Холодная голова и трезвый расчет, это можно приберечь для другого случая.

Марина нежно держала высокую розу за ее не простой стебель. Она не хотела оставлять ее дома в пустой комнате, в мокрой вазе. Цветок был неподражаем, хотя во многом походил на остальные. Он являл собою законченное продолжение счастливой его обладательницы.

Савва обратил внимание на серую Ниву с глухой тонировкой. Она походила на выгоревший гроб, но на колесах. Приобняв свою пассивность за узкие плечи, они попробовали пройти мимо.

– Молодые люди! Вы из этого дома?

– Да, – ответила Марина, выдвигая на передний план желание помочь. Так чисто, по-саморитянски.

– У нас для вас кое-что есть, – парень стоял и улыбался, как черно-белый телевизор. А еще в его глазах отражался только тротуар.

Из ветрового окна Нивы высунулась сайка такого же «киноцефала» (собакоголовый).

- Мы к вам, голуби, обращаемся. Не хорошо хамить людям, – прогремел второй.
- Ты о чем, дядя? – не выдержал Шутил. – Какие дела?
- Дела в прокуратуре, ныряй в тачилу.

И холод вороненой стали безапелляционно приставленный в область ребер, заставил Савелия воспринимать сие серьезно.

- Марина, дождись меня дома, – попросил он, отстраняя девушку.
- Мариночка тоже поедет с нами, – неожиданно высрал обладатель Беретты.
- Не гони, она не при делах.
- Гонят, корешок, говно по трубам, а здесь позволь нам решать, кто при чем.

* * *

Траурная панихида, это всегда неуютно, холодно и лишено перспектив. Венки от одноклассников, от директора любимой школы слабо напоминают дары волхвов. Мать в черной, как у шахидки, шали с пустыми, как два колодца, глазами. Отец заметно постаревший, так и не ставший дедом. Друзья – это отдельная тема.

Боря шел сразу же за гробом, под локоть поддерживая несчастную мать. Она то впадала в сомнамбулическую кому и казалась равнодушной, то вскрикивала, как раненая на вылет волчица.

Корма красного, словно стяг, гроба плавно покачивалась на плечах несущих, где-то там между небом и асфальтом. Он так и не смог дотянуться до небес..., а быть может... Быть может совсем наоборот.

* * *

– Конечная, – сказал узколобый с постперестроечным менталитетом спортсмена-неудачника, сумевшего худо-бедно реализовать себя на улице.

Оставленное переселенцами здание бывшего конезавода заставляло поверить о приближающемся апокалипсисе. Молодых людей выволокли из Нивы и втащили в плохо оборудованную подсобку. Провисшая панцирная кровать, прожженный в нескольких местах полосатый как жизнь матрац. Молочный ящик с фанерой вместо столешницы и портрет вождя мирового пролетариата с цинично подрисованными сатанистскими рожами. Зрелище так себе.

Шутила пристегнули наручниками к стояку, прощупав пару раз его батареи (ребра).

– Будешь кипеш поднимать, печень фаршем выйдет.

Девушку толкнули на матрац, предварительно содрав с нее пальто. Савелий дернулся, но чугунный стояк был заложен коммунистами, а значит прочно и на века.

– Пацаны, прошу, оставьте девчонку, – вопил он, не обращая внимание на удары по его телу. – Пожалуйста, умоляю.

Маринина блузка с треском приказала долго жить. Ажурные трусики были стянуты чумазыми руками. Грубое мужское начало ворвалось в ее розовую вагину. Она кричала, пока были силы. Самец поливал ее обильной слюной, мял молодые груди, грубо и хрипло дышал.

– Я буду вторым, – похотливо суетился другой, походивший на мраморного дога.

– Не тяни, пристраивайся.

– Ублюдки, вы чего творите, недоноски, – орал Савва.

Второй ударил Шутила с ноги и, скинув свои брюки на бетонный пыльный пол, пристроил имплантант ко рту девушке.

– Соси, сука... давай, животное, исполняй вещи.

Марина теряла сознание, приходила в себя и снова проваливалась в грязную бездну. Ведь росли нормальными детьми, пестовались мамашиним вниманием, ели эскимо и сахарную вату.

Так откуда берутся такие недочеловеки, как земля выносит таких подонков? Увы, вопрос риторический.

Савелий получил очередной короткий удар в солнечное сплетение, и в глазах у него все потухло. Когда он пришел в себя, тела девушки на грязном одре он не увидел. «А что, если это сон, что если Марина все же осталась дома?». Прокравшись, проскользнула тень спасительная мысль. Но она была всего лишь тень. Попинав Шутила, с чувством выполненного долга, узурпаторы выволокли его во двор ногами вперед.

У толстого ствола тополя возвышался курганчик рыжей земли.

– Хочешь посмотреть, кто там?

И Савелия, не дожидаясь его согласия, подтащили к яме. Савка зажмурился. На дне лежала она, его милая мягкая и теплая Марина. Слезы брызнули из-под опухших век, будто в голове его лопнул огромный сосуд. Он не мог говорить, ладони рук грабастали землю. Он помнил ту растерянную фигурку на СТО. Он помнил, как она бархатным голосом шептала ему, что все будет здорово. Все, все будет здорово – здорово!!!

Девушка была без сознания и одежды, но ее конечности еще боролись за жизнь, за желание быть с ним.

Савелий уткнулся в мерзлую землю.

– Взяли его, – услышал он где-то в другой жизни.

Двое подхватили его под руки и облокотили к тополи, молчаливому свидетелю страшной трагедии. Савва расклеил веки, он видел, как совковая лопата швыряла землю и глину туда, где лежала она, его жизнь.

Тот, что раньше высовывал свою гнусную сайку из ветрового стекла, вынес из помещения длинный лом и сиротскую кувалду.

– Ни хуя, такой карандашик, а?! – прикололся он.

– Вбивай, да поедем, помолимся.

«Помолимся», – это заставляло призадуматься. Вот они, приватности жизни, повороты судьбы.

Стальной стержень плотно вдавил грудь Савелия в области сердца.

«Ну, вот и все... Как это? Нет, мне снится...».

Размах кувалды и стержень уже в молодом теле. Савва судорожно скрючился, беззвучно простонал и даже улыбнулся. Кажется. Лом мягко прошел тело и, упершись в дерево, стал протаранивать его, более жесткий ствол. Тополь, наверное, тоже плакал, ему было больно за троих...

* * *

Раскачиваясь, катафалк плелся в авангарде траурной процессии. Гроб с телом Савки Смехова планировал следом. Он даже не испортился, как взяли моду делать это все покойные. Даже уголки губ были вздернуты кверху. Он смеялся во сне. И, наверное, мог бы проснуться..., если бы уснул, а не умер.

Глава 3. Однажды в Америке

Ни у кого из четверых (уже четверых) не вызывало сомнения, чьих рук мокрая делюга.
– Кава, гондон штопанный, мразь скипидарная. Я по любому его достану, – больше других распаялся Некрас.

Парадокс, но когда Шутил был жив, они часто конфликтовали. По крайней мере, чаще других. Антитеза!

– Мы, Серый, вместе достанем этого вора. Я с человеком разговаривал. Этот чел котирется, он с северными урками работает, – сказал Макс.

– Сафрон?

– Угу, он самый.

– Чего кричит?

– Пиздец, говорит, так не делается. Получил за косяк с пацана. Не угомонился, опарыш. Дважды за одно не спрашивают. Умные поймут, а для дураков весь балаган устраивать – это достойно клоуна.

– Я с детства клоунов ненавижу. Косматые подонки с фальшивыми носами и картонными улыбками.

– Мне сдали исполнителей, – вдруг вставил Боря.

– Кто тебе их сдал?

– Тополек, к которому нашего Савку пригвоздили.

– Ну и?

– Это Сугроб с Окулистом. Пингвины отмороженные.

– Мы сможем достать их?

– Выдержим паузу.

– Какая пауза, Борек, под молотки пидоров невыебанных.

– Мечь – это блюдо, которое нужно подавать в холодном виде.

Некрас метался по комнате, как Уссурийский тигр.

– Для начала мы возьмем у них все то, что они взяли у нас, а потом и остальное.

– Не говори, Макс, загадками, – торопил Чика.

– Теперь по существу. Это перед нами Кава браваду гнул. Мол, на Волге колесит по Российской Федерации. Залупу! У него такой автопарк, мама не горюй.

– Какой? – проявил интерес Борис.

– Загибай пальцы. Мерина – три. Один в сто сороковом кузове, трехсотый и сто девяностый. И в Бэхах он, пиздобол, кричал, не разбирается. Мне Сафрон шепнул, у него 528-я – единственная в городе с подобным тюнингом. Там лайба не по-детски нафакстрошена. Поехали дальше: Бронко, Таурас, Крузак – восьмидесятка. А теперь совдепия, как не странно, Волги вроде как нет. Но две девятки, это сто пудов. Я сам видел, и та девяносто девятая, которую мы ему срезали.

Парни, крещенные в купели каменных джунглей, решили совершить блицкриг в автопарк опального авторитета.

– Куда скинем автопарк? Десять в гору, машины, пизженные у жульмана, хуй кто подпишется вцепить, – разумно предложил Некрас.

– Будем решать, отзвонимся людям в Новосиб. Тут, если что, дороги часов на пять. Если вечером отработаем, еще засветло в Сибе будем.

– Не говори гоп, Максим. Где у него гараж?

– Мерины на коттедже, там и наша девятка. На Крузаке он зажигает сам, а форды и Бэха на СТО у Лефика.

– Я думаю, надо брать Мерседесов и БМВ.

– Там видно будет, – остудил пыл Борек.

«Талант – это как похоть. Трудно утаить. Еще труднее – симулировать» (С. Довлатов).

Макс не симулировал, у него был талант. Криминальный талант. Максим Малецкий выступил в этой истории номинальным стратегом. Отзвонившись людям в Новосибирск, Макс настоял на встрече, обещая ее итог обоюдовыгодным. В центр Сибири делегировались Борек и Чика. Некрас по умыслу все того же Макса занялся наружкой за охувшим жуликом. Отслеживал его маршрут около пяти дней. В завершение кропотливой работы Некрас приготовил отчет.

– Ничего консервативного, определенного маршрута нет. Наваливает на Крузак, за рулем неизменный опричник Фока, мать его! Разве что вечером, но не знаю, быть может, совпадение.

– Ну, говори, обсудим.

– С десяти до одиннадцати – пол двенадцатого они в обязалово на коттедж заезжают. Хуй знает, что он там творит, может, дозряк принимает, или, говорю же, совпадение. Но последнее мало вероятно.

– Почему? – тривиально спросил Макс.

– Жопой чую, бля буду!

– Чем ты чуешь?

– Ну, внутренний голос мне подсказывает.

– Он у тебя, что, в заднице квартируется?

– Подъебнул. Наверное, доволен собой?

– Всяко разное. Ладно, продолжай.

– Собственно все.

– А когда вечером приезжают, машину где паркуют? И как долго в хате виснут?

– Джипера у ворот бросают, если еще ехать собираются, а если все, то в гараж.

Но не меньше часа дома шкуру трут, я заебался ждать.

– А ворота у него с улицы в гараж, – рассуждал вслух Максим.

– С улицы, – подтвердил Некрас.

– Если Крузак у ворот, будет еще движуха, я так катаю.

– Ну и что?

– Чего ты втыкаешь! В гараже мерины и крузак при них. Главное, не оформшмачиться.

Некрас сложил губы неровным полумесяцем и сделал вид, что прочитал замысел друга.

– Один хрен, ты ничего не понял, – расколол его Макс.

Некрас пожал плечами.

– Поясни, просвети дурака, если умный сам, – обиженно произнес он.

– Ладно, надулся, как мышь на крупу.

Соцреализм с человеческим лицом – это был Сергей Некрасов. Но он знал, что они сделают это. Они обязаны это сделать. Ради памяти Шутила.

«Легко не красть. Тем более – не убивать. Легко не вожделеть жены своего ближнего. Гораздо сложнее – не судить. Может, это и есть самое трудное в христианстве. Именно потому, что греховность тут не ощутима. Подумаешь – не суди! А между тем „не суди“ – это целая философия».

Сам Максим не терял времени так же. На то самое СТО, где мирно стояла Бэмка Кавы, он заехал на взятой у Кости Горе восьмерке, на предмет замены моторного масла.

– Я там терся весь кон. БМВ – кайфовая, не коцаная, напидарашенная, как у коты яйца. Черная, стоит и блестит, а с нее пыль халдеи сдувают. Там все фарши в ней. Я с одним разговаривал. Он мне дал расклад. Еще плюс техпаспорта на все тачки, которые в боксе, в сейфе у мастера. Если мусора шмон проводят, чтобы все законно было.

– Это везде так.

– Ну и ништяк.

– А что с охраной?

– Ворота ни хуя такие, конкретные, охранник там никакой, по ходу, больше сторож с лоховской попрошайкой и баллоном газовым. Нужна тонированная на глушняк машина, или эту затонируем, – и Макс указал на восьмерку.

– Чего удумал?

– Заедем движку делать или ходовку, там решим, но ближе к концу смены. Им по любому придется оставить ее на ночь. Мы спорить и торопить не будем. В машине загасятся двое. В багажнике и на заднем сидении. Как все снимутся, этого цирика под стволы, а дальше дело техники.

– А там камер нет? – спросил Некрас.

– Если нас сфалуют, будет тебе камера, по любому, на тюрьме.

– Завязывай, Макс, такими вещами не прикальваются.

– А кто тебе говорит, что я ору. Я смотрю на вещи реально. Просто не исключаю любого форс-мажора. Теперь нужно дождаться пацанов.

Ребята прибыли с отрицательным результатом. Новосибирские коллеги пошли в отказ.

– Жопой крутить стали, – рассказывал Боря. – Смотрю, нос воротят, даже за цену не пробивают. Не доверяют, по ходу, нам купцы. Раньше через Костю решали, а сейчас вдруг мы и самостоятельно. Я другого объяснения, ни ебаться, не вижу.

Отсутствие результата – это тоже результат. Казалось, Макс предусмотрел и такое развитие лихо закрученного сюжета.

– Погоним в Казахстан. В этом влагалище вообще хуй, кто найдет.

– И искать не догадаются, – поддержал Чика.

– Сначала надо их взять, – отрезал Борек.

– Это да. Но с такими настроениями, как у тебя, Боря, лучше сидеть дома. Не отпугивай удачу заранее, – разозлился амбициозный Максим.

Боря пропустил это мимо ушей. По приезду домой Боря Бархатов обнаружил у себя дома повестку на призывной участок. «Пришло время отдать долг Родине». Вот только хоть убей, а Боря не мог вспомнить, когда это он у нее что-нибудь брал в займы.

– У него ворота новые, – зачем-то сказал Чика, разглядывая гараж Кавы. – Такие недавно стала фирмочка одна лепить. Я постеры рекламные видел...

– Ты чего, баранины объелся?

– С чего ты решил?

– Уставился на новые ворота.

Дефицита пространства и времени концессионеры не испытывали. Уверенно шагая в авангарде собственных идей, они полностью владели ситуацией. Жулику и на ум не могло прийти, что на его автопарк могут сделать дерзкий налет. Кто жить устал? Кому это надо?

Что делать? Кому на Руси жить хорошо? Вторая пара вопросов могла бы стать здоровой оппозицией первой. Классики писали для нас. Все повторяется в этой жизни. И, наверное..., да нет, точно – литература. «Писатель не творит ее, а как бы улавливает сигналы. Чувствительность к такого рода сигналам и есть Божий дар». Это не я придумал. Я бы не смог. Разве что запеленговать сигнал.

Чика в антураже бомжа выглядел комично, но бесспорно превосходно, с точки зрения театрального костюмирования. Не колеблясь, критики отдали бы пальму первенства Владу. Под длинной полой драпового пальто выгодно располагался Ремингтон. Этот шпалер Борьку дарили на девятнадцатилетие.

Сиротливый безучастный фонарь с люминесцентным потоком света освещал гаражные ворота и немного подъезда к ним. Чика прижался к голым кустам и уже замерзал. Он искренне

не завидовал и жалел пингвинов, тюленей и еще кого-то, кто живет там, где всегда зима. С противоположной стороны дороги бомжа Чикю прикрывал Макс. У него был обрез охотничьей тульской вертикалки, туго заряженной порцией жиганов. Расчет был верен. Появление бомжа в «долине нищих» не могли удивить никого. Но на всякий случай Макс дал немного денег натуральному бродяге и тот три дня до этого момента околачивал заборы, как рядом стоящих особняков, так и коттеджа Кавы. Привлекал внимание и приручал местный люд, дабы не удивились внезапному появлению представителя «отбросов общества».

Крузак жульмана появился неожиданно, как Джаз. Он по боярски переваливался из стороны в сторону, боясь не расплескать пассажиров, и подбирался к месту плавно и трагично, как чикагская мафия...

* * *

Некрас и Боря с треском разместились в тонированной восьмерке. Чудо охранник дефилировал между стальных четвероногих друзей человека, и что-то весело напевал. В боксе практически было пусто, но еще где-то терся мастер кузовного цеха.

– Какого хуя он не уходит, – шептал Некрас.

– Да, тише, – толкнул в спинку заднего сидения Боря.

«Сикьюрити» вплотную подошел к восьмерке и стал пытаться демонстрировать чудеса своего зрения. Но тонировка была густа и ему не по глазам. Он даже уперся прыщавым носом в заднее боковое стекло. Борьку стало смешно. Он приподнялся и состроил гримасу охраннику. Теперь смешно стало Некрасу. Он еле сдерживал себя, чтобы погасить очаг накатившего смеха.

– Завязывай, Боря. Ни хуя ты канканы мочишь. Спалимся.

Боря принялся. Его нос забегал по всему лицу. Тут он кое-что понял и спросил:

– Ты что, пернул?

– Естественно.

– Это противоестественно. Ты чего гонишь, побойся Бога, Серый. Люди так не срут.

Борек хватал воздух у себя под мышкой. «Уж лучше так», – решил он.

– А чего смешил?! – оправдался Некрас. И тут же перевел тему в другое русло. – А может он того..., уже дома.

– Кто?

– Ну, этот, мастер.

– Не знаю, может. Еще подождем кропаль.

Наступила резиновая тишина, как ковбойские америкосовские подтяжки.

– Ты не спишь еще? – разрядил паузу шепот Бори.

Из багажника последовал ответ:

– Лежу просто.

– Лежи себе, я спать хочу.

– Идиот.

* * *

Кава вышел, не доезжая до гаража, и вошел в калитку. Но эта дверь из металла шестерки с огромной натяжкой попадала под определение «калитка».

– Загоняй, наверное, – бросил он, скрываясь за дверью.

– Опять эта блевота шкуру трет, – комментировал свои эмоции по поводу увиденного Фока. – Хули ты тут груши околачиваешь, ублюдок?

Чика вежливо промолчал и прикрылся от заведомо спрогнозированных ударов. Фока подошел вплотную и, склонив на бок голову, попытался разглядеть бомжа.

– Что, тараканы! – бросил он, словно плюнул.

Небрежно размахнулся правой ногой, но удара не совершил. Это живо смахивало на незаконченную симфонию. Два безапелляционных аргумента в виде двух вертикально посаженных стволов настырно уперлись в Фокин позвоночник.

– Без кипеша, фантоций. Я умоляю. И руки в гору.

Макс был настроен решительно, как стержень гвоздя, коснувшийся крышки гроба. Он был высоким и неуклюжим, как Авраам Линкольн, и, наверное, легко мог бы стать мясорубом, способным выйти на крыльцо в одних носках встречать гостей.

– Чтобы ваши эмоции не провоцировали вас же, я бы попросил открыть эти ворота и впустить нас в гаражное помещение.

Чика, не растерявшись, обшмонал Фоку и выудил у него из кобуры вороненый ПМ.

* * *

– Ладно, до завтра. Закрывай! – раздался высоко акустический баритон где-то там в другом смежном боксе.

Этот голос принадлежал мастеру кузовного цеха.

– Хвала Всевышнему, – с грохотом выдохнул Боря.

Небольшое лирическое отступление (авторский каприз): «Кстати, вывожу эти грешные строки, когда на дворе апрель 2005 года. Скончался одиозный понтифик Папа Павел 2. Обезумевшая толпа паломников попыталась приравнять его к лику святых. Распиарить, так сказать, после жизни. Собралась вся богемная тусовка. Все на свете президенты США. Скорби не наблюдаю. Они даже не стараются завуалировать свое отличное жизнерадостное настроение. На передний план вышла кучка Бушей. Их американские улыбки разрывают маски лиц на две неровные половины. Позади попытался засветиться развратник Клинтон. Я хочу сказать, у кого в свете последних событий популярность пошатнулась, как Пизанская башня, со смертью Папы поимели возможность поставить ее на прежнее место.

Такой свирепый тусняк некрофилов. Папины «Фаны». Весь Ватикан смахивал на гигантский рок-фестиваль. Извиняюсь за кощунство, но не перед вами, перед Богом. Канул в лета очередной посредник между нами и Им.

Когда хоронили Савку Шутила, все было по настоящему. Смерть понтифика – подготовленное театрализованное шоу... Наверное, его похоронили намного раньше».

Круто я выдал! Вам не кажется? А вы знаете, я даже не в курсе, за каким все это написал. Быть может, всплеск несанкционированных эмоций. Всегда ставил справедливое слово на порядок выше приспособленчества. Последнее мне вообще не удастся в жизни. Я как автомобиль, который пересек сплошную полосу и подпирается к цели против движения. Все моргают фарами и сигналият противными клаксонами. Я не хочу, как они все. И цель моя в другой стороне. А где-то там есть еще подводные течения.

Боря, хрустя суставами, покинул восьмерочный салон. Некрас продирался следом.

– Да седи там, я тебе багажник сейчас открою.

Некрас послушно притих.

– Возвращается стражник.

– Давай за тот «микрик».

Концессионеры юзали за японский микроавтобус «Таун Айс».

Вы знаете, как подают настоящий стейк? На настоящей дубовой доске! А настоящие решительные парни, крещенные в городской купели, свои утилитарные цели примерно так:

Они пиздили его по почкам. Некрас с оттяжкой прощупал бейцалы (яйца). Сикьюрити взвизгнул и присел. Некрасов вошел в раж. Он со знанием дела вбивал в это туловище свои весомые пиздюли.

– Пацаны, кончайте! – умолял он.

– Сейчас ты у нас кончишь, прочувствуешь оргазматрон.

Некрас не мог успокоиться. Наверное, этот несчастный охранник напомнил ему плохого узурпатора педагога, скорее всего, учителя физкультуры, от которой Сергей был пожизненно освобожден.

– Ну, ты, охувевшее тело. Давай ключи от кабинета.

– Осади, Некрас. Ты его ушатаешь, вообще ни хуя не найдем.

Некрас сидел верхом на потерпевшем и размашистыми движениями превращал его лицо в беззащитную запеканку. Борек обхватил Сергея за шею и пытался оттащить.

– Ты чего, совсем ебанулся, слезь с него. Ты чего гонишь? Бля-я, ни хуя... Некрас, вернись в семью! Он помер.

Некрас тут же пришел в себя. Весть о трупе под ним заставила его трезво мыслить.

– Чего ты исполняешь, недоумок? Этот фуцын у тебя телку увел?

– Не-е, – тупо бычился Некрас.

– Ты бы еще выебал его.

– Мертвого?

– Да жив он, только не исправляй этого. Одыбается, спросим за ключи. Пиздец, ты его отоварил, сейчас жди, когда при памяти будет.

– Очнется, – повеселел Некрас.

– Ты ему все ебало поломал.

– Да, действительно, – Сергей проникновенно осмотрел свое произведение. – Да, на самом деле, как-то неудобно получилось.

– Извинишься позже, – теперь Боря уже успокаивал, ища липовые оправдания содеянному. – Он просто оказался не в то время, не в том месте.

– Может, он хотел стать певцом. Слышал, он что-то намурлыкивал. А тут мы. И его творческим планам на ближайшее будущее – кирдык.

– Это как у Гумилева: «Жизнь – это то, что случается с нами, пока мы строим планы на будущее».

– Слышь, ты, философ!

– Ну, а что? На мой взгляд, верно сказано.

– Очнулся, олень.

– Похоже. Поднимай его.

– Почему я?

– Ты же его уронил.

* * *

– Открывай, животное, – скомандовал Макс. Его лицо скрывала вязаная маска-ночь.

– Я не знаю, кто вы, но пизда вам по любому, – огрызнулся Фока.

– Ни тебе говорить, пингвин банановый.

Ворота плавно сложились кверху, обнажая доступ к Мерседесам.

Фока был слишком близко с блатной когорте России бандитской, чтобы присесть на лютую измену и легко сдать свои позиции. Чика нырнул в салон одного мерина. Макс несколько притупил бдительность и на мгновение стал пустотным, как сознание Будды.

Фока круто развернул свой корпус на сто восемьдесят градусов. Правым своим предплечьем он удачно выбил обрез из рук идейного вдохновителя. Двустволка звонко ударилась

о кафель гаражного полка. Слева хук, справа – апперкот. И Максим присоединился к ней. Фока, не дожидаясь разворота событий, нанес короткий удар с ноги в голову. Подняв с пола обрезанную двустволку, особо приближенный к вору, устремился в сторону Мерседеса.

Чика осознал всю серьезность происходящего, но растеряться не успел. Приобретенный им ПМ оказался надежен. Влад и не понял, что сотворил. Это минутами позже его колбасило и детонировало. Два выстрела на встречу и опережение. Первая же свинцовая пилюля избавила Фоку от жизни. Вторая попала куда-то в молоко, но это не имело уже значения. Никакого значения. Сгусток желтых мозгов вылетел из затылка и упал на грудь Макса. Человека, с ранеными амбициями, это обстоятельство только подстегнуло. Утирая тыльной частью ладони кровь с верхней губы, Максим второй рукой сграбастал мозговую коэффицент и плотно обнял его пальцами. Потом бросил к ногам и растоптал как нечто совершенно лишнее, мешающее мировой гармонии.

– Сваливать надо, сейчас урка кипеш поднимет.

– Форс-мажор.

Два мерина, как пришитые, вылетели из долины нищих, свернув с дороги на кемпинг, он застыли.

– Делаем быстро! – крикнул Макс, и Чика перепрыгнул к нему.

Пятисотый вернулся к коттеджу, Чика пересел в Крузак и, развернувшись, рванул к трассе. Парни рисковали определенно, но вероятно Кава не слышал дуплета выстрелов. Возможно, стены гаража успокаивали слух. На кемпинге одного Мерседеса взяли на жесткую сцепку, привязали к Крузеру.

* * *

Бумер послушно взревел двигателем, заставляя поверить в мощь пятилитрового ДВС.

– Этого возьмем с собой.

– Кого? – не понял Некрас.

– Охранника.

– Ты, что, с дуба рухнул. Свяжем его и ништяк.

– Голова не только для того, чтобы в ней есть. Нет охранника, нет бумера, все косяки на него.

– И время выиграем.

– Ты делаешь успехи, мой юный друг.

– Умойся, как тебе?

– Слава, – прошептал Секьюрити.

– Умойся, Слава, с нами поедешь.

– Зачем. Я ни кому ничего не скажу. Правда.

– Я знаю. Но так будет лучше.

* * *

– Где их носит? – беспокоился и ерзал Чика.

Макс очередной раз включил Моторолу, но приема не было.

Черная, словно ночь, БМВ вылетела пулей на трассу.

– Врубай рацию. Мы в радиусе... уже.

Некрас щелкнул вращателем.

– Прием, прием, братва.

В ответ он услышал тишину. Попытка «намбэ ту»...

- Есть, Борек, они на связи.
- Ебучие рога, где вас носит!?
- Какие дела, Максим, работали. Вы на месте?
- Давно.
- Сейчас подтянемся.

Темный кортеж влетел в соседний Казахстан без мыла. Всего за 50\$.

Брутальный казах по имени Серик со знанием дела смачивал кривой казахский палец в мясистых казахских губах и не торопливо отсчитывал русские деньги. Наебать никто никого не пытался, о происхождении машин не спрашивали. Прений не возникло. Стороны обменялись заверением о намерениях и разъехались в стороны.

- Алкоголь пить не будем? В смысле, Арак шесум бе?
- Они, Серый, кумыс жрут.
- Ну, ясно.
- Могли бы бараном угостить.

Чика перенервничал, его откровенно трясло, как шанхайский бронепоезд. Хочу отметить, казахи в своем Казахстане довольно неожиданные люди. В этих степях пропасть даже проще, чем в зарослях Камбоджи.

- Надо выпить, пацаны.
- А где взять, с алкоголем засада.
- Найдем в кафе.
- В степи?
- Едем до Кокчетава.

В Кокчетаве было весело, как с похмелья. Пахло грязной водой и прелым кумысом. А молодые казашки шокировали, как Акбара пророчества Салама. Кривизне их национальных ног могла позавидовать самая продвинутая триумфальная арка. Луноликий овал лица и монголоидный разрез глаз. Нет, конечно, местами попадались и ничего себе. Но, видимо, парни бродили не по этим местам.

Некий казахский «зендан» больше смахивал на передаваемый из поколения в поколение перештопанный шатер беженцев цыган. Почти на полу, ну, типа того, где-то около, на низеньких приземленных, словно их воображение, скамеечках, скрестив ноги, расположились вонючие аксакалы в халатах «от Саида». Иногда бомжи у Казанского вокзала выглядят благообразнее. Ну, не будем! Не все они плохие парни.

- Здесь нет водки, – вынес вердикт Чика. – Они чай с пиал хуячат.
- Ага, зеленый.
- Ну, нам нужен алкоголь...

Молодого казахского мачо родители называли Ракатом. Как раз он и являлся исключением из правил. Аккуратно одет, гладко выбрит. Его светлые отутюженные штаны белым радикальным пятном отсвечивали от серой действительности местных степей.

Алкоголя раздобыть не удалось, но любезный Рома, он же Рокот, рассказал, где возможно приобрести качественного гашиша и Чуйской «Зе Бест» анаши.

- А еще у нас есть русские женщины.
- Это ты о проститутках? – загорелся Некрас.
- Да, да.
- Сможешь решить?
- Говно вопрос.

Вопрос действительно оказался говно. Кстати, профуры тоже. Их привезли на темно-синем (цвета мокрой изоленты) Москвиче-2140. Он махал рихтованным железом и надрывно визжал ремнем генератора. За рулем сидел метис – «казарус». Водитель, евнух и сутенер в одном флаконе, по совместительству хранитель продажных тел. Наложниц было много, как

апельсинов во Флориде. Они брикетом утрамбовались в салоне и испуганно моргали точками бесцветных глаз.

– Выбирайте, – гордо бросил Рокот. – Цена – почасовая!

Час с русской красавицей казахстанского толка, как пол ящика «Московской» по спекулятивной цене, плюс стаканчик, три плавленых сырка и три бутылки дефицитного «Байкала».

– Не кисло. Вы их, что, напрямую с тверской доставляете, – наморщил лоб Боря.

– Не вижу достойных, секунд хенд просроченный.

– Есть местные.

– Не надо, оставь вон ту, мелированную, смуглую большеротую...

– И эту с грудями! – дополнил Чика.

Рокот жестом «Бодхисатвы» (помогающий людям. Буддийский миф) пригласил грешниц пройти в шатер.

– Мы их на сутки вцепим, – сказал Макс.

– Покуражимся.

– Хорошо, значит, сутки, – рулевой метис бросил опытный взгляд на хронометр своих командирских часов, и, что-то прикинув, вынес, просчитав при этом как за 24 часа:

– Сейчас у нас 7 часов.

– А у нас девятнадцать.

– Ну, да! Конечно. Значит семь вечера. Завтра с семи до восьми утра я заеду за ними.

– Это у вас такие сутки?

– А у вас разве нет? – искренне не понял сутенер.

– Что ты втыкаешь, гоблин! Барбосов в нас узрел. Филки верни за 13 часов и приходи утром. Математик – не ебаться.

– В натуре, редкий антиквар. По зеленому горбатого лепит.

Но не русский действительно не мог разобрать причин волнения. И даже попытался забраться за пояс и достать кривой нож. Рокот первым понял, что происходит в голове у его соплеменника. Когда до сутера все же дошло решение высшего математического уравнения, он растерянно улыбнулся, наслюнил грязный указательный палец и, отсчитав, вернул лишние деньги.

– На самом деле, на хуя эти бляди нам на целые сутки?!

С кайфом Рокот не обманул. Забили три папиросы чуйкой и крополями гашиша. Казахский гид сказал, что это слишком убойная вещь, и возможно они погорячились.

– Ладно, укуримся в хлам, – смело парировал Некрас.

Отдельный косяк заделали жрицам любви.

– Взрывай, чего ждешь?

Аромат далеких иллюзий вонзился в ноздри присутствующих, седым облаком повис под потолком шатра. Когда ему надоедало висеть, он ломался и тяжелыми кусками тяжело падал на тубетейку Рокота.

Все дружно попали уже на косяк, накрыло, как КамАЗ брезентом и перло, что тот паровоз.

– Ты чего нам подсунул, корешок? Меня таращит как индейца.

– Я предупреждал, – растерянно оправдывался Рокот.

Нижняя челюсть Некраса упала ему на грудь и не хотела возвращаться. Чика походил на истерика без спроса покинувшего приют для душевно нездоровых. Наложницы забились в углу из подушек и нервно хихикали. На Макса и Борю накатила волна неконтролируемого, но санкционированного смеха.

Максим держался за живот, и весь вибрировал, как испорченный миксер.

– Слышь, – еле выговаривал он, обращаясь к Борьку. – Этот кричит, что его зовут Рома.

– Кто?

– Ну, ... Он.

– Рокот?

В ответ Макс заржал и указал пальцем в сторону нового товарища.

– Рома? Так он русский?!

Теперь хи-хи словили и остальные, даже сам Рома – русский брат с монголоидным лицом. Они, как наркосерфенгисты оседлали волну нездорового смеха и летели по ней на встречу неизвестного. Если лететь вверх, то на самое высокое небо. Если падать, то с самой высокой горы. И, наверное, это правильно, по крайней мере, по настоящему.

– Пойдем на воздух, порожнячка покурим, – предложил Чика, вытаскивая пачку «Бонда».

Предложение было принято без прений и поправок. Сигареты догоняли, словно скорый фирменный поезд. Впереди, по бокам и даже позади, там за шатром раскинулись степи с хаотично посаженными по ним бесформенными камнями. Некоторые из них в свою очередь оседлали беспредельные птицы-хищники. То ли орлы, то ли соколы, я в них не разбираюсь, только дефилируют они там, как наши голуби, а срут с особым цинизмом и в четыре раза больше. Могут на плечо за раз целую мышь высрать после органичной «дистиляции».

На воздухе было жарко, но все же не так душно, как в этой прокуренной палатке. Куда-то к скучному горизонту тянулось кривое, как турецкий ятаган, лезвие дороги. Оно рвало папирус степи на две абсолютно неровные половины. Небо было низким и весело сразу же над конусом шатра. А может оно просто давило на тех, кто вышел покурить. Свинцовый дым наполнял легкие, а в голове плавно, как засранцы птицы, кружили фиолетовые мысли с бархатным оттенком.

Макс увлеченно рассматривал просторы, и уже тогда у него зародилась цветная идея рекламных банеров. Это сейчас они по всему городу. Увлеченный своими идеями, он стал выкладывать их ровными рядами на поверхность слуха. С момента первой хапки Чуйской марихуаны, ты глубоко проникаешься тантризмом и понимаешь, что наука о нирване и просветлении непременно должна сопровождаться ароматом этой пряной травки.

Макс живо напоминал Шанти Деву. В позе буддийского мыслителя, он извергал коммерческие мысли, разумеется, не время в их жизненное продолжение.

Вы же понимаете, дабы создать все это и настроение в том числе, мне пришлось впасть в состояние персонажей. А что делать!

– Какие просторы и дороги здесь, в принципе, проходные.

– Вон три фуры.

– Как гусеницы.

– Нахлобучить предлагаешь?

– Да тут и без нас разбойников как говна.

– И что у них, карт-бланш?

– А ты как думал! Прикинь, пацаны, на этих просторах рекламные щиты ставить можно, – и Макс истомно зажмурился.

– Ага, ништяк ты сообразил, – подколот Борек. – Орлы все твои плакаты обделают, а рекламодатели тебе за эту пургу ноги выдернут. Какой идиот в этом влагалище свой бренд намажется раскручивать.

Все представили нелепо торчащие лозунги, призывающие потных аксакалов и беспардонных птиц вкладывать финансы в концерн МММ или приобретать биотуалеты по праздничным ценам в цеху по производству туалетных кабин, который расположен на территории завода по производству лифтов. А под рекламными банерами ползает безногий Макс. Ноги ему выдернули, как и пообещал Боря, и крутит динамо, вырабатывая электроэнергию для прожекторов, освещающих рекламный слоган.

– Короче, тему раскатали, дай вам начало, – злился Макс. Но волну смеха, накрывшую всех по новой, остановить было утопией.

– А прикинь, пацаны, – задыхаясь от веселья, продолжал паясничать в цвет Боря.

– Прикинь, размещать лучше рекламу у нас в лесу или тайге. Заблудился грибник, напорлся на поляну, а на ней щит пять на десять. «Гаражные ворота» или «Ювелирный салон Сливянка».

– Не-не, – на перебой стал предлагать Чика. – В тайге такая тема: «Шоп-туры в Грецию за шубами», «Летур – тур фирма».

– «Автомобильный альянс»!

– Потом станем рекламными монополистами. Чика за тайгой смотрящий. Некрас с Максом здесь в степи. Я акварекламой займусь. Заплывет рыбак в камыши, раздвинет их, а там как буюк – курс доллара по данным ММВБ.

– Можно похоронные конторы под себя подмять. В обязательном, чтобы на крышках гробов рекламу размещали.

– Представляю: «Размещение вашей рекламы на бортах гробов» – дешево и эффективно. Пройдет какой-нибудь перец на погост и гордо так: «Вот на этой северной стороне кладбища все гробы с моей рекламой»!

– Эффекта гольц, зато какое самоуспокоение и значимость.

– А у кого денег мало, но реклама один хуй нужна, могут разместить в салоне гроба, на внутренней части крышки.

– А покойник не залупится?

– Вот вы исполняете. Гоните, как семь удавов, – попытался прервать цепочку бреда и кощунства Максим.

– Слышь, ну ты же сам предложил.

– А вы раскачали. Скажите хуйню и ржете над собой же.

– Нашелся правильный.

– Иди, динаму крути, энергию вырабатывай.

– Какую?

– Чтобы прожектора рекламу освещали. Вон она там, где ноги твои оборванные валяются.

– Во, дебилы! У нас телки там, в палатки валяются, ебать, что, никто не будет?

– Пусть они тебя к работе донесут, а то пока доползешь.

Низкое казахское небо вздрагивало от приезжего гогота. Редкие перистые облака не понимая, пожимали седыми от перхоти плечами.

– Хорош одно и то же, над собою приколись.

Макс уже сто семьдесят шесть раз пожалел о слабости высказать свою неудачную мысль.

Волна эмоций как накатила, так и моментально ушла куда-то в сторону, обнажая берег.

Воцарился штиль. Все дружно затупили.

– Может, еще приколотим костыль?

– Гонись, что отпустило?

– Не знаю.

– Иди, вдуй самке, та губастая, видел, какие флюиды засылала.

Некрас, словно опомнившись, вынырнул из астрала и бодро рванул в шатер на подушки. Сграбастав большеротую, он стал похожим на Стаханова со своим молотом. Сергей зациклился, как это и происходит по накурке, на идее кончить в рот. Он, словно, ломал два ряда берлинской стены, запихивая свой имплантант в пышный и мокрый рот некрасивой проститутки. Она сначала чуть не задохнулась, потом поперхнулась, а когда Некрас подернулся, как подстреленный, и замотал в стороны тазом, девушка чуть не захлебнулась. Потом наложница выбежала за юрту, и там ее два раза вырвало.

– Ты, что, без презерватива к ней макал?

– А что? – пожал ушами Некрас...

По приезду домой у него потекло с конца, как весной с крыши.

Обратно собирались ехать поездом, но по определенным обстоятельствам остались еще на сутки, но уже в гостинице города Петропавловск, до коего добрались на такси. В такси даже скрипело радио, и какая-то попсовая певица давала интервью. Она рассказывала: «Первый день мы снимали клип всю ночь».

Казахский степной «Агролан» (рай) оставался за спиной. В Петропавловске зарождались намеки на цивилизацию, а точнее на то, что от нее успело остаться в постперестроечный вязкий оборванный период. В гостинице разместились в двух номерах.

– Супер-пупер. Даже вода горячая.

– А тараканы ходят в плюшевых тапочках, вон как тихо пробирается к розетке.

– Наверное, это из администрации «отеля».

– Отеля! Круто, мать его!

– Надо телок заказать.

– Не хватило?

– А чего творить будем?

Макс неслышно встал с просиженной кровати. Достал из-под нее дорожный баул и, покопавшись в нем, пошел на выход. Чика был в душе. Боря и Некрас решали вопрос вызывать или нет девочек в соседнем номере.

– Слышь, Чика, – бросил на ходу Максим. Тонкая дверь охотно пропустила оба слова в «душевой кабинет».

– Чего хотел?

– Я пойду, пройдуся.

– Далеко? – перекрикая журчание, спросил Чика.

– До вокзала и назад.

– Валяй.

Максим не любил не законченных симфоний. Релаксирующее воздействие на его душу, всегда оказывал здравый прагматизм. Он был собран, как хороший боксер, и хотел лишь сохранить приобретенное совместно. Угловатый, как пентагон, он покинул белые стены привокзальной гостиницы. Подобно «Шерипутре» стоящим на лепестке лотоса. Он почти всегда принимал прозорливые и своевременные решения. И ни один кайф в мире не мог засрать ему мозги, его мысль работала в ритме швейцарских часов.

– Ячейку, будьте добры, – сказал Максим, войдя в вокзальную галерею, где располагалась камера хранения.

Русская девушка с казахскими ногами показала на свободную дверцу, и, взяв названную сумму, запихала сграбастанные купюры в боковой карман застиранного рабочего халата. Максим бережно вложил желтый туго набитый пакет во чрево стальной ячейки и, захлопнув, набрал код: год рождения своей матери.

Выйдя на спертый воздух, он закурил и уныло вздохнул, когда вспомнил, что не за горами зима. Попиная воздух, Максим побродил по улочкам, поплевал в сухой загаженный арык. Смятые пачки «Астры», «Примы» и болгарских сигарет пылились на дне некогда живой системы водостока. Из-под некоторых, как из-под обвалов, торчали уже пожелтевшие и разбухшие трупы бычков. Искореженные пустые спичечные коробки походили на подорванные танки и молчаливо напоминали о некогда сильной империи. Максим еще раз плюнул на всю эту тяжелую действительность и, помочившись за ржавым гаражом, пошагал к гостинице.

– Ты где бродил? – спросил Некрас. Он и Боря были уже в их номере.

– Да так, променад, город посмотрел.

– Дрек?

– Ну, а ты как думаешь?

– Сейчас телочек доставят, и водовка будет, – гордо возвестил Чика и заерзал на покрывале.

– Петропавловского «Рому» нашли?

– Не-а, тут «Ромой» администратор работает. У него как у волшебника Сулеймана, все по-честному без обмана.

– Шнягу втулит какую-нибудь.

– С чего ты решил?

– А чья водка?..

– ...

– Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса!!! – пропел Некрас, и, кажется, остался доволен своей своевременно вставленной удачной шуткой.

Через час с небольшим гостиничный дипкурьер по имени Андрей доставил четыре бутылки местной водки.

– Сейчас будут девчата, – пообещал он, после чего запустил в номер двух стриженных азербайджанцев.

Сутенеры выглядели так, будто водили на случку не девочек, а горилл. Сверкнув фиксатой частью своего рта, один из них произнес на удивление елейным голосом. Не все было понятно, но из сказанного удалось разобрать, что девушки из самого Тадж-Махала, наложницы Эмира, красивы, как сакура весной; спелые, как персик летом; совсем свежие, с глазами, словно звезды и... и хорошо сосут. Ну, а стояли они, как путевка на Венеру.

– Расчет потом.

– Пятьдесят процентов сразу, – деловым тоном обрезал второй азерб.

– Без проблем, – ответил Боря. Отсчитал денег и, закрыв за гостями скрипучую дверь, налил, выпил пол стакана алкоголя.

– А знаете, о чем я вспомнил, – выдохнул Борис.

Видимо алкоголь помог вспомнить важное.

– ? – повисло молчание.

– Ведь того фуцына, охранника с автосервиса, где мы отработали Бэу, мы вместе с тачкой казахом продали.

– Вот они тихо приколются. Кент в багажнике с торцом разбитым и в форме охранника.

– Во, слива.

– Да, он сам виноват, мог бы признаки жизни хоть подать, а то затихорился там на измене. Мы и забыли за него, – оправдал всех и сразу Боря и снова налил, но уже не только в свою тару. – Давай, пацаны, не микрофонь за успех.

Наложницы-гимназистки прекрасные как луна проносились, как осенние листья, мелькая розовыми ягодицами с орнаментами легкого целлюлита.

Первым пошел Чика. Бардельеро превратилось в оргию Калигулы. Алкоголь и секс, выходящий за рамки приличия...

Первым поднял голову он же, то есть Чика. Остальные спали, как неровно разброшенные шпалы. Женщин, подруг эмира, в номере не было.

– Пацаны, подъем! – почувствовав неладное, тревожно крикнул Чика, после чего нырнул под кровать и обмяк рядом.

Ноги отказали ему, и тело следовало их предательскому примеру.

– Е-е-ебучие рога-а! – завопил он.

– Что за кипеш? – поднял чугунную, словно крышка колодца, голову Боря.

– Жопа, Боря, жопа! Нас развели, как лохов, конкретно! Походу, «клавой» (клафилин) убрали.

– В рот мента... – схватился за волосы Борек.

Теперь очнулись и остальные...

– Все лаве, все заработанное, мама дорогая. Во, встряли, как хрен в рукомойник.

– Да! По самые помидоры. А кто хотел девчушек потоптать?! – съерничал Макс.

– Чего сейчас крайнего искать. Все угощались.

– Надо этого пингвина под ответ поставить.

Все дружно, толкаясь в дверях, рванули вниз к администратору. Тот еще не успел сместиться, но при виде решительно настроенных парней вжался в угол.

Били долго и по не приятным местам.

– Где этот ублюдок, Андрей, твой курьер?

– Он уже снялся, еще ночью, я адреса не знаю.

– Чего ты гонишь, недоносок, – Борис достал финский нож и приложил его к уху администратора.

– Пацаны, клянусь, не знаю за него, он вечером бывает, он со зверями работает.

Буцкнув «Бэримора» гостиницы, и отняв у него всю наличность, плюс две бутылки белой, концессионеры вышли на воздух.

– Ну и хули?

– Что?

– Хули делать? – задал тривиальный вопрос Некрас.

– Валить надо, – однозначно сказал Максим.

– Этот фуганок сейчас, сто пудов, мусорам цинканет. А если нас здесь примут, будет шило.

– Конкретное, – согласился Боря.

– С гастробайтерами они жестко поступают.

– Пидоры, – сплюнул Чика.

– Пошли на вокзал, – сказал Макс и сделал первым шаг туда, откуда рельсы уносятся в горизонт.

Дату рождения своей матери Максим помнил, как Отче наш. Хотя это естественно. Четыре щелчка и...

– Макс, красавец!

– Молодца! – сыпались лестные дифирамбы.

Еще бы, человек спас все заработанные деньги. Он был для остальных полу Богом, как минимум.

– Ты как догнал-то?

– Я не исключал форс-мажора, мы же не дома, еще с таким воздухом.

– Красавец! Проси, чего хочешь.

– Надо сваливать, на любой поезд и домой отсюда.

Удалось взять отдельное купе.

– Давай, пацаны, Савку помянем, – предложил Некрас.

– За суетой и праздностью жизни мы так часто забываем о ближнем.

– Поторопитесь восхищаться человеком, ибо упустите радость... Надо Савке памятник заказать.

– И место рядом на нас оставить.

– Не весело.

– Все там будем. Еще не ясно, чего там нас по возвращению ожидает.

– Да все ровно. Не пойманный – не вор, если что, в отказ будем идти.

– По любому.

Все молча и стоя выпили. И, наверное, у каждого еще в свежей памяти стояла улыбка Савки Шутила. Нырнуть туда в столь юном возрасте, уйти под эту родившую когда-то всех землю, это не совсем то, о чем мечтают молодые достигшие зрелости люди, это не совсем то, что планируют их родители. Улыбка, теперь это все, что от него у них осталось.

– Надо в честь Шута основать фонд, – предложил (нет, не Макс), предложил Чика. – Наш фонд. Часть филача возьмем на раскрутку, а остальное положим в банк. Сейчас масса вкусных вкладов. Я знаю, есть и такой.

– Какой?

– Смотрели фильм «Однажды в Америке», – и, не дожидаясь ответа, Чика продолжил. – Конкретно кладем в банк, но получить деньги можем лишь, когда все вместе, либо если есть письменное разрешение, заверенное у нотариуса, остальных. В общем, любому по отдельности их не выдадут. Тут дело не в недоверии. Так будет правильно. Вон и Борек в армейку собирается, да мало ли что по чем. А так тити-мити наши на нашем счету. Наступит время, и они на нас поработают.

– Прикольная затея, – одобрил Макс.

– Я решу, – сказал Чика. – У меня сестра в банке.

– А у меня брат в Москве, тоже в банке.

– У тебя что, Борек, брат есть? Пиздишь!

– Да он давно там, еще до меня. Он как бы старше.

– И как давно?

– А как родился с двумя хуями, так его сразу в банку и в Москву.

– Да пошел ты, я думал в натуре.

– Гадом буду.

Отщелкивая межстыковые швы, поезд выбивал свой металлический реквием. Он глухо отдавался в диафрагме каждого, но не щадя не натянутых нервов не прозрачной души, продолжал выдуманную мелодию. Все молчали, молчание стало темным, как осеннее небо над вагонами. Теперь их уже было четверо.

Глава 4. Бенджамин – бумажный Франклин

«Попытка футурологического моделирования гражданского, культурного и духовного облика будущей России»

Обрывок родного города волновал и заставлял сосредоточиться. Бандитская прослойка его целенаправленно скорбела по безвременному ушедшему авторитету Фоке.

– Как раз вовремя, на девять дней умудрились подтянуться, – не без сарказма выдал Чика.

Все, что творилось, ну хотя бы на местном рынке, напоминало откровение Иоанна Божьего «Апокалипсис».

По центру рыночного зала выгодно разместился фотопортрет отошедшего от дел в мир иной Фоки. На нем он был мрачный, в черной водолазке и с пустым философским взглядом в вечное. Всем владельцам мясных, колбасных, рыбных, сырных, молочных, конфетных точек было велено целый день держать на местах зажженные церковные свечи. Приезжал батюшка и исполнял поминальную литургию. Весь день над людьми находились последователи Фокинской идеи. Товарищи по цеху. И не дай Бог, у кого на лице будет отсутствовать печать скорби... то ему любезно поставят альтернативную печать зла.

Как выяснилось, после смерти авторитета, Фока был милейший малый, добрейшей души человек. Бывало, ударит, ну так вскользь ненароком кого по лицу рукой. И ведь не спит ночь, все мучается, мается, бедолага. Отчего ж не с ноги. И, конечно же, не у кого не вызывало ни каких сомнений, что праведник Фока попадет на небо.

Все помещение рыночного комплекса смахивало на стадо пасущихся светлячков. «Народ скорбел».

– Господа, без Фоки наш город теряет репрезентативность.

Это происходило, когда Россия шагала в авангарде рыночных реформ, вместе с ней шагали «партократы» и бандиты, растапывая и разворовывая, что не успела растоптать и разворовать первая колонна. Ускорение и перестройка. Даже принялись печатать Набокова и прислушиваться к голосам диссидентов. Это было тогда, когда открывались артели и частные бары. Тогда не успел пожить по человечески славный малый Фока.

Следствие тому собранное по просьбе Кавы толковище. Ведь это очевидный булыжник в его огороде. Разговаривать решили в Сочи. Там и тепло и общак башляет, если Каве есть, чем ответить и просто модно. Эхо ялтинской конференции, не больше не меньше.

* * *

Кава был подчеркнуто серьезным и лишнего себе не позволял. Овальный стол из породы красной древесины собрал за собой четырех авторитетов всея Руси. Что касается трапезы, то жулики всегда отличались скромностью и аскетической сдержанностью.

Холодец телячий, лакс, голубцы, скромная осетринка и пластами безвкусно покровсанная семгочка. Кулебяка и молочный хрюша с грустными виноградными глазами. Не осмелюсь перечислить виды салатов – их есть! Чуть поодаль незатейливые фрукты, те, что стали произрастать на столах власти имущих на заре перестройки и привились, как на лучшем мичуринском участке. Яблочный штрудель – каприз казанского авторитета. И, конечно, алкоголь. Во времена смертельной засухи все это выглядело, словно пир во время чумы.

– Я пригласил вас, уважаемые, для того, чтобы мы могли без суеты и спешки помянуть всеми нами знакомого человека, – Кава говорил о Фоке. – Поднимем рюмки. Там налейте себе, кто, что принимает организмом...

Вор скорбел и призывал разделить свою скорбь остальных. У него скорбели уставшие и желтые глаза, скорбел морщинистый нос, заостренные уши и впалые щеки. Ходил складками широкий лоб, и слегка тряслись руки. Собравшиеся молча повиновались тосту. Пауза затягивалась, посему гостеприимный Кава налил всем собственноручно по новой и призвал повторить.

– Бухалово – это ништяк, Кава, когда вопросы по непоняткам решены, – первым нарушил пафос траура Белка, молодой и резво взлетевший на криминальный Олимп сургутский авторитет. – Ты с этим разровнял?

– Я не хочу наломать дров, – дипломатично отвечал Кава.

– Есть соображения, кто тебя ошармачил?

– Так, кое-что. Звонарей у меня в этом кону нет. Но я так катаю, это эти молодые, с Горе работают, за своего кентярика исполнили.

– Ну, здесь, уважаемый, тема мутная. Ты тоже неправ был в прошлом. Получил с него дважды за один косяк. Мы-то понимаем – ретивое выиграло, и глаза закрыли. Я лично в этом тебе не помогаю, но и препоны строить не буду. Ты сам реши, как будет правильно. Может, спросишь с них сам, а может через лагерь. Они по любому, если от дел не отойдут, «зайдут не в сою» (попадутся в руки правосудия). Ну, а там раскатаешь, нет среди них «звездохватанного» (толковый зек). Загонишь грев, или активу тити-мити, ну, хули, не мне тебя учить.

– Ладно, жизнь – она сама проявит, а я терпение проявлю.

– И чего, вот так отпустишь?

– Я же базарю, терпение, а ты мне заходи с севера, выстраиваешь, мне было важно ваше мнение, я его получил. За это благодарю, – и законник снова потянулся к початой бутылке.

* * *

Слава Колобок с неожиданной фамилией Райкман стал Каве альтернативой погибшему Фоке. Колобок как полгода назад оставил за спиной с куполами страну лимонию, где был смотрящим. Не заставляя себя ждать, Славик стремительно ассимилировался на воле, чем и заслужил внимание одиозного теневого мэтра Кавы казанского.

Акции Колобка поднимало и то, что смотреть за лагерем в свое время его и ставил сам Кава при поддержке сотоварищей по цеху.

Кава нередко советовался с Чердаком, Витей Черданцевым. Тот, шкипер старый, отошедший от дел, мог дать дельный и совершенно бесплатный совет. Чердак лестно отзывался о делах Колобка. Словом, худого за ним не водилось. Не шлифовал ни перед кем, под актив не прогибался, «штиповой» (бойкий) и при том не дурак. Вот двигается малый, но кто не без греха. Кава и сам не дурак по вене прогуляться.

Суть да дело, стал Слава Райкман при воре за городом смотреть, выражаясь по фене: «был шниво с жуликом» (рядом). В свете последних перемен повылазило на свет Божий отморозком безбашенных. Каждый спортсмен, сколотивший маломальскую бригаденку, мнил себя как минимум габолотом. Никто «шнурковаться» (держаться незаметно) не желал. Любой шпанюк на шорах нарывался. Глаз да глаз нужен был за родной вечно похмельной и изрядно обворованной страной.

Подобные авторитеты, аки Кава, котировавшиеся в обществе, и были на местах, дабы урезонивать размостовавшихся бабуинов. Словом, Колобок после отсидки пришелся ко двору.

Никто в то мутное дождливое время не желал прислушаться к голосу старины Шопенгауэра. Ведь здорово молвил он, но не для всех ушей: «Собираясь в житейский путь, полезно захватить с собой огромный запас осторожности и снисходительности; первая предохранит от вреда и потерь; вторая – от споров и ссор». Но страна, семимильно шагающая по вязкому дерьму в сторону торфяных болот, торопилась жить.

Но если взглянуть сквозь призму времени через увеличитель линзы справедливости, то не нужно иметь семи пядей во лбу для того, чтобы увидеть, как народ спит. Он во сне в эйфории его, и не желает истомно потянуться, расправить веки и проснуться, обуть ноги в холодные отрезвляющие тапочки и...

«Сон – есть часть смерти, заимствуемая нами *anticipando* (заранее – лат.) за день жизни. Сон есть заем у смерти для поддержки существования. Или: он есть срочный процент смерти, которая сама есть уплата капитала. Она взysкивает тем позже, чем обильнее проценты и чем правильнее они оплачиваются».

Никто не хотел платить проценты. От того и гибли в тот ледниковый период пачками люди, миры и цивилизации...

* * *

– С Кавой сейчас Колобок работает, в курсе?

– Ты что, Борек, один при делах, – огрызнулся Максим. – Он кричит, мол: «Под молотки выщурков».

– Это он за нас так? – прикурив от костра, спросил, хотя ответ знал, Чика.

– Чего ты втыкаешь, им свое вернуть. И запахло перед людьми, – Боря отхлебнул из гра-
нненного и, поморщившись, вдумчиво посмотрел на белый мрамор.

Портвейн провалился и обжог стенки голодного желудка. С мрамора улыбался барельеф Савки Смехова и говорил словами Линкольна: «Сдаваться нельзя ни после одного, ни после ста поражений».

– Может, все разровняется само собой? – осторожно предложил Некрас.

– От мертвого осла уши получишь у Достоевского. Держи карман шире.

Некрас как-то неуклюже пожал плечами и стал похож на осыпашуюся под гнетом времени скалу. Но, в общем, кажется, он оказался прав.

Контуры жизни становились все более расплывчатыми. Семьдесят второй целительный портвейн с совковыми корнями давал свои плоды. Разговоры становились примитивными и раскрепощенными. Но порядка в них было не больше, чем в миске с ирландским рагу. В четырех черепных коробках царил хаос, а доминирующую позицию над разумом имели эмоции. Еще Спенсер утверждал: «Если знания человека не приведены в порядок, то чем больше ему известно, тем путаннее будут его мысли». А чем больше портвейна, тем сильнее как грыжа вылезает наружу пьяная истина с сиреневым оттенком. Последнее Спенсеру, увы, не принадлежит. Увы – для него и его почитателей.

Борин взгляд был холодный и упругий. Левый глаз чуть пьянее правого. Он готовился стать солдатом, но желания отмазаться от службы его так и не посещало. Напротив, он свирепо жаждал перемен. Деньги, заработанные с машин, уютно лежали в банке, но спокойствия они не гарантировали.

– Надо отходить от голого криминала, сейчас возможностей до талого, – и Чика провел ребром ладони по горлу. Получилось, вроде как, убедительно.

– Лично я в армейку ни ногой, – упорно заявил Некрас. – Тут на воле столько работы, сейчас выброшь два года из жизни, заебешься потом наворачивать. Надо брать, пока плохо лежит...

– И пока дают это делать, – завершил Макс. – Жизнь, как дорога. Стоишь, голосуешь. Мимо тебя проносятся автомобили, кое-кто тормозит. Либо ты его не устраиваешь, либо твоя дорога, а бывает, что он тебя...

– Короче, Склифосовский!

– Если короче, то я к чему. Не словил нужный мотор, не угадал в нем тот самый, проебал вспышку, остался на обочине.

- Предлагай.
- Наливай.
- Кончился.
- Пошли.
- Куда?
- За спичками. Тянуть будем, кому за вином идти.

Утром болело раненное кем-то самолюбие. Было стыдно за все грехи исторического человечества, а еще болел затылок, что-то скрипело в глазах, быть может, песок, и ужасный депрессив, обнимая верхнюю чакру, подбирался к самому горлу.

Боря приподнялся. Удалось ему это только благодаря дикой концентрации воли, да и то не с первого раза. Последнее, что он помнил, это короткий обрубок спички и пляшущие как на шабаше могильные кресты. Как покидали кладбище, Борис вспомнить не мог. Успокаивало лишь одно, что он не одинок в подобном скомканном состоянии. Телефонная трель больно аукнулась в левом глазу. Вы же помните, это именно он был вчера пьянее другого, кажется, правого. Борек приложил титанические усилия, встал на неокрепшие ноги и, подобно космонавту, потащил свое тело туда, где булькал телефонный аппарат.

– Алло?

– ...

– Другого более гнусного голоса я не ожидал услышать, – звонил Чика. – Слушай, старик, я так прикинул хуй к носу...

– Чей?

– Слушай, необходимо нахуяриться как вчера, чтобы восстановить в памяти хронологию вчерашних событий.

– Ты что, не посрал?!

– Я и с Максом посоветался, – не обращая внимания на не прикрытые оскорбления, продолжал Чика. – Он солидарен со мной.

– Я пас...

– Я пас, – сказал Боря, – лучше пивка. – И отодвинул стакан с мутно янтарным портвейном.

Чика сграбастал с табуретки трехлитровую банку с разливным жигулевским и протянул ее Борьку. Некрас еще спал. Но выпивали уже у него дома. Он смог открыть входную дверь и, бросив туловище снова на диван, сказал:

– Бухайте на кухне. Я пока, господа, еще не созрел.

– Таки родину проспишь.

Некрас ответил красноречивой тишиной.

Практически не отрываясь, Борек выпил четверть пива. Потом оторвался, сделал три глубоких вдоха и снова нырнул в пучину алкоголя.

– Ну, что, вспомнил?

Боря отрицательно покачал головой.

– Пей еще.

– Не поможет, сильно заколдован.

– Мне Костя звонил, – неожиданно вклинился Макс.

– Горе?

– Горе. Тут такой замес выходит. Нас Кава с Колобком хотят к ответу подвести. Жескач конкретный.

– Что за погоняло у него?

– У кого?

– У этого Кости, ебануться, Горе. Как что ляпнет, так все не в жилу. Ему бы в похоронном бюро работать. А нам надо было с каким-нибудь Васей Балдежом работать.

– Смех-то левый. Кава так не оставит. Он, подонок, время выждал, сейчас исполнит.
– А что он предьявит? Где написано, что это наша делюга. Может, он прокурора со следом себе посватал, мышь! – закипал Чика.

– Может. Нам надо быть готовыми.

– Ну, я готов, а хули понту? К чему готовиться. Грязевые ванны принимать.

– ?

– Помочь не помогут, но к земле привыкнешь. Вон Савку без подготовки к дереву прикол, пингвин ананасовый. Или ты с жульманами стебануться предлагаешь, умник.

Макс разумно промолчал, отхлебывая пиво из уже початой банки. Но, оторвавшись, все же изрек.

– Еще Наполеон говорил: «Искусство войны – это наука, в которой не удастся ничего, кроме того, что было рассчитано и продумано».

– Слышь, ты, стратег, воевать удумал.

– Можно сделать противход, – сдержанно продолжал Малецкий. – Надо завалить и Каву, и Колобка, в пизду.

Чика присвистнул:

– Ни кисло тебя вставило на вчерашние дрожжи.

Теперь взорвался сдержанный Максим.

– Ну а ты-то что предлагаешь, ждуть, пока они твои кишки на пиковину наматывают или всех нас на ремни распустят. Жди, если ума на большее не хватает. Подготовим реально и исполним. Кто сейчас разбор чинить станет. Времена отмороженные, антикваров всяких хватает. Смотрел Кава за городом, соберутся на толковище, поставят другого.

– Базара нет, – поддержал Борек. – Все лучше, чем вслед за Савкой рысачить. А я еще и в армию не успел сходить...

* * *

Но судьба – это та самая женщина, способная разнести вдребезги твое сердце, горько огорчить, разочаровать. Впрочем, как и порадовать. У каждого она своя, как любовница, с одной лишь разницей. Судьба – не изменяет своему избраннику, равно как и он ей.

Кава, размышляя о смысле жизни, тупо разглядывал свои блуждающие вены. Наконец он принял, на его взгляд, верное решение. Колобок допивал свой утренний сок и напряженно ожидал распоряжения босса.

– Слава, возьми машину и будь любезен, прокатись до цыгана на коттедж.

– Я тебя понял, Ринат, сколько взять?

– Вцепи на нормальную дозу, больше не надо, чтобы день не был потерян.

Колобок неуютно поерзал. Вор заметил эти движения и ухмыльнулся:

– И на себя, Славик, возьми, какие дела, конечно.

Славик оживился, как мандарин под елкой, и покинул помещение. Вор был консервативен, брал ширево лишь в проверенном временем месте. Цыган держал элитную яму и банковал не соломкой, а хорошим «черычем». Жулик в свою очередь лояльно крышевал барыгу еще со времен агонизирующей Империи зла. Слава впрыгнул в серую девятку и...

* * *

С 1988—89 год. Слава Райкман, осужденный четвертый раз по статье 162¹ (разбой), был поставлен смотрящим на ИТК-7/1 по протекции Рената Казанского, с которым по предыдущей ходке Райкман был семейничком. Гудлай, так в шутку кликал Славу Кава за прямую принадлежность к еврейской национальности.

Надо отметить, с ролью смотрящего Слава справлялся стремительно и напористо. За него говорили, мол, делает бродяга себе карьеру.

– Брат, там хуепутало один в отряд третий заехал.

– Что за перец? – поинтересовался Колобок у своего семейничка дяди Вади.

Второму было лет под сраку. Смерть посрать отпустила, а он все не мог соскочить, по лагерям мотался, туберкулез словил хронический.

– Я моляву с воли получил, он – барыга, ханкой да маковой соломкой банковал. Его за эту тему и приняли. Но не в том суть. С этой ямы ширево дочь моя брала. От передэ с год назад...

– Померла?

Дядя Вадя зажмурился.

– Ну, извини, что хочешь от этого? Ее ведь никто не заставлял. Колхоз – дело добровольное.

– Да пойми, Славик, этот перец ее и присадил. Вот этот хуйло спал с ней. Она в тот кон просто ваксу побухивала. А он... Короче, время прошло, она «глухо торчать» стала.

– А где ее «гнилушки» (мозги) были?

– Молодая, и это самое – чувства...

* * *

Девятка гальмонула скатами и скрылась за плавным поворотом коттеджного поселка. Слава включил радио, его настроение заметно улучшилось. Разломаться с утра хорошим «Гариком» (героин) – это удачное начало трудового дня...

* * *

– Слушай, Слава, давай из этого фуцына «армянскую королеву» замастырим (опустить).

– Я уважаю твои отцовские чувства, но за какие заслуги?

– Ну, «поставим его на лыжи» (создать невыносимые условия), подведем ему хуй к носу.

– От меня-то чего хочешь?

– Да только дай добро, чтобы беспределом не обозвали, и не мешай. Я сам исполню. Все по пути, бля буду, Слава.

– Смотри, дядя Вадя, зехерами своими «гнуловку» мне не обеспечи (скомпрометировать).

– Ты же меня еще со столыпинского знаешь.

– Лады, я впрягаться не стану, ну и ты смотри, не влупись...

* * *

Колобок заложил руля, и девятка серая, как его утренние намерения, въехала в поселок городского типа. На самом краю, гордо доминируя над остальными, торчал отштукатуренный коттедж Цыгана. Слава припарковался у кованых ворот и условно профонил клаксоном. В мгновение пустоту за воротами заполнил солидный лай. Баритон принадлежал овчаркам азиатам. Такие четыре теленка дефилируют, звеня кандалами. С ними не забалуешь. Рассказывали, что когда омовцы брали приступом цыганский особняк, одного из флибустьеров фемида уронил теленок и разорвал правую ногу.

Слава инстинктивно вжался в спинку сидения. Лай прекратился, но не сразу, азиаты, отходя, огрызались. В воротах появился героиновый джонка.

– Привет труженику теневой экономики, – вышел из машины Колобок.

Цыган ответил любезной взаимностью. – Ну, где твой смысл жизни, разделенный на граммы?

– Заходить будешь?

– Да нет уж, я как-нибудь тут покурю.

– Я их в псарню загнал.

– Береженного...

* * *

В третьем отряде было тихо, лишь в дальнем углу трещали о доску зарики и передвигались фишки. Да еще в пол тона кто-то с кем-то переговаривался. Скрипнула дверь. Вальяжно, как по Бродвею, прошел по коридору цирик-пупкарь. Посмотрел с интересом на играющих в нарды, а после, что-то вспомнив, ретировался.

Сергей уселся на своей панцирной шконке и тихо, стараясь не раздражать тишину, перелистывал глянецовый журнал. Вокруг этого молодого человека за последние две недели обстановка раскалилась до температуры домны. Создавались все условия для его подводки. Сначала сели играть в карты подле него. По ходу игры предьявили парню, что, якобы, тот «шрифты в стире пилит» (в карты смотрит).

– Хули ты, фитиль, в картах спишь?

– Да хорош, Кощей, он не опытный, офоршмачился, больше не повторит.

Ломали спектакль бродячие актеры.

Потом к нему любезно подкатил незнакомый зек и предложил чафирнуть с ним. Сергей был один, а один всегда цепляется за любой намек на дружбу, пусть даже сомнительного происхождения. Чафирнули в бытовке, где валенки прели. А утром Сергею сосед по койке довел до сведения, что тот акробат, с кем чафир гоняли, пидор. А это запахло с обиженным из одного кружка...

Кто-то сказал, что, не знаяши, не в падлу. Но страсти накалялись.

У завхоза, козла, пропали конфеты – грохотульки. Их нашли у парня по имени Сергей. В общем-то, беспредел. Но пришел в отряд смотрящий Слава Райкман и вынес свой вердикт, учитывая выше перечисленные сфабрикованные заслуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.